

Встреча с Вождем

Автор:

Алексей Злотников

Встреча с Вождем

Алексей Михайлович Махров

Роман Валерьевич Злотников

Дорога к Вождю #3

Казалось бы, до главной цели осталось совсем немного. Еще один бой, еще один рывок – и перед героическим попаданием на Великую Отечественную войну распахнутся двери кремлевского кабинета... Но судьба снова играет с Виталием Дубининым злую шутку – на этот раз препятствием становится не очередная смерть, а нечто более страшное – немецкий плен.

И там ему не помогут приемы рукопашного боя и умение стрелять на звук. Придется полагаться только на собственный изворотливый ум. Сумеет ли самозванный батальонный комиссар переиграть рафинированных разведчиков Абвера и вырваться из фашистских застенков?

Роман Злотников, Алексей Махров

Встреча с Вождем

Серия «Новый Злотников»

© Злотников Р. В., Махров А. М., 2017

* * *

Пролог

11 июля 1941 года, где-то между Бобруйском и Москвой

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух»...

Стучат, словно боясь опоздать, на стыках железнодорожных рельсов колеса эшелона, с каждой секундой приближая его к цели путешествия. Полковник танковых войск Советской Армии Владимир Петрович Бат любил этот повторяющийся каждые несколько секунд ритмичный стук, под который так приятно засыпать. Засыпать сначала мальчишкой, когда он с родителями каждое лето отправлялся на месяц к дальней родне в Крым, затем – молоденьким младшим лейтенантом, выпускником танкового училища, следующим к месту будущей службы. Менялись пункты постоянной дислокации и количество звезд на погонах, менялись техника и личный состав, менялись министры обороны и генеральные секретари – и только этот звук не менялся никогда. Он всегда был – ну или, по крайней мере, казался – чем-то незыблемым, неизменным. Чем-то, без чего просто немыслима, невозможна любая железная дорога, где бы она ни находилась и куда бы ни вела.

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух»...

Десятилетний Володька, высунув от усердия кончик языка, рисует на альбомном листке танк. Отец, спрятав под узкий купейный столик опустевшую бутылку из-под «Жигулевского», весело тормозит сына:

– Что, Вовка, не передумал танкистом становиться?

– Не передумал... – бурчит тот, недовольный тем, что его отрывают от столь важного занятия. И так вагон на стыках потряхивает, мешая правильно нарисовать дульный тормоз самого современного советского танка, а тут еще и папа мешает. А ему, между прочим, самое сложное осталось, зенитный пулемет на башне рисовать! Бат-старший смеется и, взъерошив сыну волосы (Володька недовольно трясет вихрастой головой – что еще за телячьи нежности, он уже совсем большой!), шуршит купленной на станции свежей газетой...

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух»...

– Ну, что, Батонич, по крайней? – Подрагивает вагон, подрагивает легкой рябью водка в протянутом товарищем, таким же вчерашним выпускником военного училища, граненом стакане. Впереди еще больше суток дороги, так что пока можно расслабиться. Главное, чтобы периодически проходящий по вагонам милицейский патруль не придрался. Но ребята вроде нормальные, когда прошлый раз мимо шли, старательно делали вид, что ничего не замечают. Понимают, что к чему: товарищи молодые офицеры, так сказать, надежда и опора наших славных танковых войск, к месту службы едут. Может, их уже завтра в какую-нибудь Африку отправят, с империалистическими наймитами воевать, времена-то сейчас неспокойные.

– Не... мне хватит... – мотает тяжелой головой лейтенант Бат, спиной к проходу заваливаясь на полку плацкартного вагона. – Пей сам... чтобы гусанка не слетала и дизель не сбо...

Сон, словно морской прибой из далекого детства, накатывается неудержимой волной, в которой тонет окончание бессвязной фразы...

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух»...

Двери в купе распахнуты, верхние полки пристегнуты к перегородкам, увеличивая свободное место. Накрытый скатертью стол уставлен немудреной закуской и бутылками «Советского шампанского». Новый год же, как иначе?! А что встречать праздник пришлось в дороге, так этим никого из присутствующих не удивишь – ко всякому привыкли за годы службы. И похуже условия бывали, да...

– Товарищи офицеры, с Новым годом! Мужики, пусть в новом, две тысячи десятом году наша страна...

Полковник Владимир Петрович Бат пьет молча и залпом, не дожидаясь окончания тоста. Он уже откуда-то знает, ощущает всем своим естеством, что этот тост – последний, который он поднимает вместе с боевыми товарищами. Не крайний, как принято говорить в их среде, а именно последний...[1 - Вследствие произошедших благодаря вмешательству Виталия Дубинина изменений истории в мире полковника Бата Советский Союз просуществовал почти на два десятилетия больше и распался не в 1991-м, а в 2010 году.]

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух».

Снова, как в лейтенантской юности, в стакане плещется в такт рывкам вагона водка. Водка, которую произвели и разлили в бутылку на советском ликеро-водочном заводе задолго до его, блин, рождения! Путешествия во времени, мать их!..

Укоризненно поглядев на дрыхнувшего на соседней полке Очкарика, Батонич, крякнув, залпом осушил полстакана. Нет, младшего товарища понять можно – впервые в прошлое попал, да еще и повоювать сегодня пришлось неслабо. Умаялся, бедняга. Сначала в танке, когда унитары ворочал и в казенник пихал, затем, когда с немецкими диверсантами схлестнулись. Те ему руку, вон, едва не сломали, суки. Он с ними, правда, тоже особо не миндальничал, минимум двоих на тот свет спровадил. Оттого и вырубился с одного стакана, салага. Правда, извинился перед этим, вращая осолопевшими глазами и с трудом ворочая непослушным языком: «мол, прости, шеф, я все...» И задрых, повернувшись могучей спиной.

Хмыкнув, Бат привычно прокрутил в голове события крайних суток. В принципе все вышло более-менее. Похоже, что на этот раз он до Вождя таки доберется. Если, конечно, «лаптежники» не налетят. Но это вряд ли, поскольку наспех сформированный эшелон приказано перегонять исключительно ночью. Да и «зеленый коридор» им аж до самой Москвы выделили, слышал краем уха, о чем железнодорожники между собой говорили. Мол, до рассвета будут идти на максимальной скорости, а утром уже окажутся в глубоком тылу. Да и прикрытия имеется: на пару пассажирских вагонов и платформу с танком – аж целых три полувагона с зенитчиками. Скорострельные пушки и крупнокалиберные пулеметы. А утром, если он правильно понял, их сверху еще и истребители полка

особого назначения прикроют. Того самого, что Центральный аэродром на Ходынском поле защищают. А у них на вооружении не «Ишачки» какие-нибудь, а новейшие – ну, по здешним меркам, разумеется, – «МиГ-3». Очень уж сильно товарищ Сталин хочет, чтобы хоть на этот раз они до него целыми и невредимыми доехали...

Ага, вот именно, что «они»! Владимир Петрович скривился, словно от зубной боли, зыркнул на полупустую бутылку, но пить больше не стал. «Они» – это в смысле они с Очкариком, оба-два. Поскольку Виталя так и пропал, зараза! Уму непостижимо, как он так лопухнуться ухитрился, но захватили его фрицы...

О том, что было, когда это выяснилось, и вспоминать не хочется...

Сергея Наметов – это тот самый лейтенант-осназовец из группы особого назначения «Поиск-10», что их нашел, – чуть с ума не сошел, когда понял, что произошло. А уж матерился как – заслушаешься! Словно и не спецназовец вовсе, а самый настоящий танкист. Поскольку Батонич искренне считал, что в давнем споре «кто лучше матом кроет» между моряками и «мазутой» победить должны однозначно танкисты. Какие там у мариманов, в сущности, проблемы? Ни в какое сравнение с танкистскими не идут. Попробовали б они вручную да под пулями сбитую гусеницу натянуть, водоплавающие... не зря ж тот анекдот про фею и танк придумали, ага! «Мальчики, а хотите по-настоящему?» [2 - Натягивают танкисты гусеницу, матерятся. Тут над ними пролетает фея. «Мальчики, а что это вы делаете?» – спрашивает фея. «Не видишь, что ли, – трахаемся!» – угрюмо отвечают танкисты. «А хотите потрахаться по-настоящему?» – улыбается фея. «Конечно, хотим!» – радостно галдят танкисты. Фея взмахнула волшебной палочкой, и... у танка отвалилась башня.] Вот только не смеется что-то никто...

Осназовцы все-таки попытались догнать немецких диверсантов и отбить Дубинина. Но то ли просто не успели, то ли свернули куда-то не туда, однако вернулись они спустя час ни с чем. Впрочем, об этом Бат узнал уже позже, на станции, куда отбуксировали танк, благо мощности мотора «Сталинца» хватило, чтобы обеспечить вполне приемлемую скорость эвакуации. Не, ну как приемлемую? Велосипед куда быстрее едет, ну так то велосипед, а не десятитонный трактор с тридцатью тоннами мертвой брони на прицепе... «Впечатленный» темпом движения, Владимир Петрович прикинул, не снять ли и вторую гусеницу и дальше тащить «сорок четвертый» на опорных катках? Но вовремя понял, что скорость от этого вряд ли возрастет, зато мороки будет куда больше. Пока гусянку расцепишь, пока съедешь с нее да в кузов грузовика

загрузишь (еще и хрен пойми, выдержит ли тот суммарный вес двух гусеничных лент), кучу времени зря потеряют. Так и ехали, хоть и медленно, зато верно...

Во время погрузки на платформу дожидавшегося на станции эшелона (заранее его, что ли, подогнали?), намучились еще больше. А как иначе? Попробуйте обычный танк на платформу загнать – даже при наличии нормальной погрузочной ramпы, это тот еще гембель. А когда машина полностью потеряла мобильность и ее можно только или толкать, или тянуть на буксире? «Т-44» – не «бэтэшка», на колесах не поедет, как ни старайся. Короче говоря, протрахались почти два часа, вымотавшись и физически, и морально. Ну, морально – это в основном Бат, у которого к концу погрузки нервы откровенно сдавали и отчаянно хотелось хоть кого-то пристрелить. Желательно фрица. А в идеале – ту суку, что им «звездочку» разбила. Неосуществимо, разумеется: излишне меткий немецкий наводчик свое уже и так получил, сгорев вместе с танком, так что и винить некого...

Но все когда-нибудь кончается – закончилась и погрузка. «Т-44» намертво принайтовали к платформе, проложив между опорными катками бревна, и зачехлили, превратив в нечто вовсе уж неузнаваемое не то что с воздуха, но и с земли. Даже Батонич, прекрасно знающий, что именно там находится, не сразу бы понял, что это именно танк – брезента для маскировки товарищи чекисты определенно не пожалели, полностью скрыв привычные обводы корпуса. Теперь боевая машина больше всего напоминала штабель уложенных на платформе разнокалиберных ящиков, накрытых сверху чехлами. Успевший к самому отправлению Наметов с ходу оценил состояние «товарища полковника» и дальше старался держаться от начальства подальше. Особенно после того, как сообщил, что пропавшего батальонного комиссара ни обнаружить, ни освободить не удалось. Нет, понятно, что подчинение у них разное, не говоря уж о том, что его группа и вовсе выполняет задание самого Берии, но шансы на то, что Бат может его расстрелять под горячую руку из своего чудного автомата-карабина, оставались. Потому Наметов и решил пока соблюдать дистанцию, дожидаясь, пока товарищ полковник остынет...

Одним словом, нечего и удивляться, что, едва эшелон тронулся, плавно набирая скорость, Владимир Петрович испытал острое – острейшее даже – желание напиться вдрызг. Раздобыть бутылку оказалось несложно: принес тот самый лейтенант-спецназовец. Ну, в смысле осназовец. Правда, принять наркомовские сто грамм отказался, сославшись на службу. Да и хрен с ним, у него и Очкарик имеется, этот громила-интеллектуал (без шуток, кстати, все так и есть) тоже

насчет выпить не дурак. Вот только подвел его младший товарищ, «выпав в осадок» всего-то с одного стакана...

Грустно поглядев на остаток водки, Батоныч решительно заткнул недопитую бутылку туго свернутой бумажкой и убрал с глаз подальше. Достаточно, выспаться нужно, завтра денек будет никак не проще. А Виталька? Ну а что Виталька? Выберется, никуда он не денется. Не такой Дубинин человек, чтобы взять и тупо сдохнуть в немецком плену после всего, что он тут наворотил...

С этой мыслью Владимир Петрович Бат и заснул, за неимением подушки подложив под голову планшетку и воняющий соляжкой шлемофон. Заснул практически мгновенно, под успокаивающий, знакомый с детства мерный перестук вагонных колес.

«Ту-дух-тудух, ту-дух-тудух»...

Глава 1

12 июля 1941 года, Цоссен[3 - В этом небольшом городке под Берлином располагался Генеральный штаб Третьего рейха (прим. авторов).]

– Анхель! Очень рад тебя видеть! – приветствовал гостя молодежавый сорокалетний офицер в идеально сидящем на его худощавом теле мундире с двумя ромбами на витых погонах.

– Здравствуйте, господин полковник! – вытянулся у дверей слегка полноватый, с воспаленными от недосыпания глазами майор, примерно того же возраста, что и хозяин кабинета.

– Давай без формальностей, дружище! – улыбнулся полковник, подходя к майору, чтобы пожать руку. – От твоей строевой стойки так и тянет казарменным духом!

– Как скажешь, Рейнхард! – легко согласился Анхель, сразу как будто обмякнув. – После твоего возвышения...

– Ты думал, что я забуду старого друга? – подхватил полковник. – Брось, дружище, как можно было так подумать? Проходи, присаживайся!

Полковник провел гостя в угол кабинета, где стояли два пухлых кожаных кресла и небольшой кофейный столик красного дерева. Майор буквально упал в мягкие объятия кресла и облегченно вытянул ноги в запыленных сапогах, бросив рядом небольшой бумажный пакет.

– Да я вижу, дружище, что ты сильно устал с дороги! – участливо сказал полковник. – Я велю, чтобы принесли кофе!

– И чего-нибудь пожрать, Рейнхард! – буркнул майор. – Я сутки на ногах, только шнапсом и спасался...

Полковник звонком вызвал адъютанта и отдал необходимые распоряжения.

– Может, накапать тебе успокоительных капель? – усмехнулся полковник, аккуратно умащивая худой зад в соседнее кресло.

– Французских? – оживился майор.

– Не совсем, Анхель, но тебе понравится! – рассмеялся полковник, жестом фокусника извлекая откуда-то из-за столика бутылку темного стекла. Следом за бутылкой появились пузатые бокалы. Щедро, на два пальца, плеснув в бокалы янтарной жидкости, полковник торжественно провозгласил: – Прозит!

– Прозит! – кивнул майор, осторожно принюхиваясь к содержимому бокала. Наконец решившись, он сделал маленький глоток, размазал, как полагалось, напиток языком по небу и на несколько секунд замер, прислушиваясь к ощущениям. – М-м-м... Волшебнo! Мягкий... Приятное послевкусие... Так ты говоришь, Рейнхард, что это не французский коньяк?

– Не поверишь, дружище! – улыбнулся полковник. – Армянский! Называется «Двин». Пятьдесят градусов, а как хорошо идет? Говорят, что это любимый

бренди Черчилля. Хотя сами русские упорно продолжают называть сей шедевр именно коньяком.

– Трофейный, стало быть? – понятливо кивнул майор.

– Из довоенных запасов! – отрицательно мотнул головой полковник. – Адмирал как-то угостил, и мне понравилось. Здесь мне пока такой не попадался. Может быть, когда захватим Москву... Еще накапать?

– Давай! – решительно сказал майор, залпом, как деревенский шнапс, вливая в себя чудесный напиток и тут же протягивая полковнику пустой бокал.

Хозяин немедленно набулькал новую порцию и откинулся на спинку кресла, грея в ладонях свой снифтер[4 - Снифтер – коньячный бокал.]. В дверь коротко постучали и сразу, не дожидаясь ответа, в кабинет бесшумно вошел адъютант. Вытянувшись по стойке «смирно», он придержал створку, пропуская в помещение ефрейтора, катящего сервировочную тележку. Пока денщик расставлял на столике тарелки с закусками, парящий кофейник, тонкие стаканы, бутылки с минеральной водой, чашки и серебряные приборы[5 - Имеются в виду ложки, вилки и ножи, а не электронные устройства.], раскладывал сверкающие белизной крахмаленные салфетки, офицеры молча сидели, потихоньку потягивая коньяк. Наконец ефрейтор закончил сервировку, окинул получившийся натюрморт придирчивым взглядом и, видимо, оставшись довольным созданной композицией, щелкнул каблуками и вышел, прихватив тележку. Адъютант, все это время терпеливо торчащий у дверей, выждал ровно тридцать секунд и, не получив новых распоряжений, тоже щелкнул каблуками и покинул кабинет, оставив начальника наедине с гостем.

– Прошу! – Хозяин махнул рукой, приглашая гостя отведать угощений. И майор немедленно начал накладывать на тарелку тонкие кусочки подсушенного хлеба, прозрачные ломтики ветчины и крохотные маринованные огурчики. Впрочем, ел гость довольно медленно, соблюдая приличия, что явно давалось ему с большим трудом. Полковник с легкой улыбкой следил за проголодавшимся другом, делая небольшие глотки из бокала. Наконец майор насытился, деликатно рыгнул, прикрыв рот салфеткой, и хозяин разлил по чашкам ароматный кофе.

– Прости, Рейнхард! – наклонив голову в знак извинения, произнес майор. – Я действительно сильно проголодался. Несколько дней в разъездах, питался на

ходу по принципу «что бог пошлет».

– Не стоит беспокоиться, Анхель! – ответил полковник. – Я все понимаю! Такова наша работа.

Офицеры неторопливо выпили кофе, смакуя каждый глоток. И только когда гость поставил на стол пустую чашку, хозяин с деланой небрежностью спросил:

– Я знаю, что ты был на месте разгрома третьей танковой дивизии под Слуцком... Что там произошло?

– Иначе как чудом этот случай не назвать! – неохотно сказал майор. И, помолчав несколько секунд, словно вспоминая увиденное, добавил: – Причем это чудо организовали именно русские! Полный разгром: техника потеряна на девяносто процентов, личный состав на шестьдесят процентов. Причем подбитая техника практически не подлежит восстановлению и большинство потерь среди личного состава – невосполнимые. Полнокровная танковая дивизия просто перестала существовать в качестве боевой единицы – уцелели только тыловики.

– Это правда, что там работали какие-то новые русские гаубицы? – наклонившись к собеседнику, спросил полковник.

– Нет, Рейнхард, это не так! – мотнул головой майор. – Я лично облазил все окрестности вокруг полей сражения, но не нашел даже следов огневых позиций тяжелой артиллерии.

– погоди, ты сказал – полей? Их было больше одного? – уточнил полковник.

– Если быть точным – два! На первом разбили танковую боевую группу дивизии, на втором – пехотную[6 - При вводе в прорыв немецкая танковая дивизия делилась, как правило, на две боевые группы (Kampfgruppe): так называемую танковую (Panzer-Kampfgruppe) и пехотную (Infanterie-Kampfgruppe). Названия чисто условные, в первой, более маневренной (и малочисленной), явного преобладания танков над пехотой не было. Единственная разница – в общей численности групп (танковая существенно меньше) и средствах передвижения пехоты – в танковую отдавали все имевшиеся бронетранспортеры (а их в начале войны было всего пара десятков штук в каждой дивизии). Одну группу вел сам командир дивизии, вторую – его заместитель.].

- Модель в плену? – облизнув внезапно пересохшие губы, спросил полковник.

- Погиб! – вздохнул майор. – Судя по всему, его взяли в плен на месте разгрома танковой группы. Там нашли его командирский танк. Но само тело обнаружили на оборонительной позиции русских у второго поля сражения.

- Его пытали, расстреляли? – внимательно глядя на друга, поинтересовался полковник.

- Похоже, что перед пленением он был легко ранен. В филейную часть... И русские оказали ему медицинскую помощь. А умер Модель в результате нашего авианалета – вокруг траншеи, в которой нашли труп, все перерыто бомбами. Что интересно – кроме лишней дырки в заднице, на теле больше ни единой царапины. Убит взрывной волной, как сказал мне эксперт.

- Хм... весьма... занятно... – тихонько пробормотал полковник. – Продолжай, Анхель! Если наши танки остановили не русские гаубицы, то что? Авиация? Геринг хвастается, что у русских она почти выбита.

- Боров врет! – уверенно сказал майор. – Пока я был на фронте, неоднократно видел действия русской авиации. И бомбардировщики, и истребители. Не скажу, что их было много, но они есть и ведут активную борьбу с Люфтваффе за господство в воздухе. Но в моем случае работали не боевые самолеты. Там вообще всё очень странно... Если судить по следам, то против всей нашей дивизии действовал всего один русский танк. Оценивая глубину следов – сверхтяжелый.

- Всего один танк, Анхель? – удивился полковник, откидываясь в кресле. – Этот их «Клим Ворошилов»?

- Нет, следы другие! – твердо ответил майор. – Это что-то нами невиданное! И неслыханное! Но обладающее жуткой огневой мощью. И что самое интересное – стреляющий без промаха на полном ходу!

- И это вы тоже по следам определили? – с новым интересом спросил полковник.

– Ну да, Рейнхард, именно по следам! – пожал плечами майор. – Когда танк делает короткую остановку для производства прицельного выстрела, всегда остается специфический след.

– А как вы поняли, что стреляет без промаха? – ухмыльнулся полковник. – Впрочем, я догадываюсь: не было воронок, все снаряды в цель шли?

– И какие снаряды! – кивнул майор. – Наши танки просто раскурочены. Ему и бронебойные не понадобились – обошелся фугасными.

– Какой калибр у этой чудо-пушки, вы установили? – спросил полковник. – Наверняка ведь от нее остались гильзы? Или там картузное зарядание?

– Не совсем... Вот посмотри!

С этими словами майор достал брошенный возле кресла пакет и начал сдирать с него оберточную бумагу. Минутой позже полковник держал в руках короткий латунный цилиндр примерно в полторы ладони диаметром. От непонятной штуковины до сих пор ощутимо воняло кордитом.

– Хм... не менее ста двадцати миллиметров! Но длина... Это... такая короткая гильза? – поразился полковник.

– Нет, Рейнхард, наши специалисты считают, что это всего лишь донышко гильзы. А заряд полностью сгорел в стволе. Кстати, русские там все здорово подчистили: мы нашли всего два таких донца. И то они закатились в такие дыры, что обнаружили их скорее случайно... А неизвестный танк сделал не менее сотни выстрелов. Остальные донцы русские собрали.

– Подчистили, пока удерживали рубеж? – уточнил полковник. – Их же вроде через два дня отбросили?

– Не отбросили их, Рейнхард! – вздохнул майор. – Они удерживали рубеж ровно столько времени, сколько им понадобилось для перегруппировки сил. А потом организованно отошли. Впрочем, у нас на этом участке сил для наступления не было. Итог ты знаешь – полный крах нашего наступления, планы по окружению Минска сорваны.

– Да, знаю, конечно...

Офицеры надолго замолчали, обдумывая сказанное. Полковник первым пришел в себя. Достал бутылку «Двина» и разлил по бокалам. Потом предложил гостю сигареты. Закурив, офицеры переглянулись, и хозяин кабинета негромко сказал:

– Анхель, дружище, но ведь рассказ о разгроме нашей танковой дивизии – это не тот повод, который привел тебя ко мне, верно?

– Верно, Рейнхард! – кивнул майор. – Я, конечно, очень рад навестить старого друга, но приехал к тебе как к начальнику отдела Генштаба, занимающегося оперативной разведкой на Восточном фронте[7 - Оперативной разведкой в отношении Красной Армии занимался 12-й отдел Генштаба «Иностранные армии Востока». Эта служба работала параллельно с абвером Канариса и политической разведкой Шелленберга.].

– А почему не поехал к адмиралу? – неподдельно изумился полковник.

– Дело это... тонкое... – напрягся майор. – Требуется деликатного подхода. И может иметь далеко идущие последствия. Я потому и приехал сюда, Рейнхард, что знаю тебя больше двадцати лет. Если честно, то, что попало мне в руки, может послужить причиной... моей безвременной смерти...

– Даже так? – Полковник, как показалось его другу, при этих словах почему-то успокоился. – Ты имеешь в виду?..

– Устранят, как лишнего свидетеля... – сгорбился в своем кресле майор.

– И все это из-за... этого? – Полковник тронул лежащее на краю столика латунное донце.

– Нет, дело не в этой находке... Если ты гарантируешь мне... гм... защиту, то я расскажу все по порядку! – сказал майор и посмотрел прямо в глаза своего собеседника.

– Заинтриговал... Заинтриговал, Анхель... – пробормотал полковник и призадумался.

Было о чем: влезать в межведомственную склоку ему совершенно не хотелось. Но и он знал Анхеля более двадцати лет – по пустякам этот служака, звезд с небо не хватающий, почти начисто лишенный воображения, к нему бы не обратился. А если все-таки приехал, да еще таинственность развел... Значит, дело чрезвычайно интересное!

– Хорошо, Анхель, я готов тебя... прикрыть! – наконец решился полковник. – Рассказывай!

Майор шумно вздохнул. Видимо, он не дышал все то время, что полковник потратил на раздумье.

– После того как выяснилось, что разгром целой дивизии учинил всего один русский танк, я очень внимательно отнесся к сообщению из-под Бобруйска о том, что на их участке видели некую новую модель русского танка. И даже вроде бы повредили его. Я немедленно отправился туда, но опять успел только к шапочному разбору: линия фронта стабилизировалась, и русским удалось утащить действительно поврежденный танк в свой тыл. Однако это, видимо, все-таки не та бронированная машина, которая была под Слуцком. Этот больше напоминал модернизированный «Т-34». Но... – Майор сделал паузу, чтобы промочить пересохшее горло.

– Не томи, дружище! – попросил полковник, напряженно слушавший рассказ.

– Но я обнаружил там очень интересного человека! Это русский комиссар, служащий в их военной контрразведке. Его захватила наша разведгруппа возле того таинственного танка. При этом почти вся группа погибла, уцелели всего три человека. А надо упомянуть, что ребята там были не промах. По их словам, русские, которые охраняли этого комиссара, очень хорошо подготовлены – скорее всего это «осназ».

– Как ты сказал? Осназ? – переспросил полковник.

– Войска особого назначения. Диверсанты! – пояснил майор.

– То есть диверсанты охраняли какой-то секретный танк и комиссара-контрразведчика? Можно предположить, что это были испытания прототипа, а комиссар отвечал за безопасность?

- Я так и предположил, Рейнхард! – кивнул майор. – Похоже, что нам в руки попал секретноноситель высшего класса. Косвенным образом это подтверждается тем, что комиссар несколько раз пытался покончить с собой.
- Вешался или вены вскрывал? – с видом знатока уточнил полковник.
- Провоцировал охрану на открытие огня. Чудом удалось сохранить ему жизнь.
- Ну, допустим, Анхель, это и в самом деле жирный гусь[8 - Аналог русского выражения «важная птица» (значительное лицо).], но почему ты решил, что он представляет интерес настолько большой, что само его присутствие может спровоцировать устранение свидетелей?

Прежде чем ответить, майор огляделся по сторонам, словно проверяя, не подслушивает ли кто, затем достал из кармана грязноватый носовой платок, вытер им внезапно вспотевший лоб и шепотом сказал:

- Мне кажется, Рейнхард, что этот человек из другого времени!

Глава 2

12 июля 1941 года. Москва

Как и предполагал Бат, в самую столицу эшелон, разумеется, не поехал – да и что ему там делать? Свернув на известном лишь машинистам полустанке, поезд двинулся по Смоленской ветке в сторону узловой станции Кубинка. В полутора километрах от которой, как помнил полковник, еще с весны 1931 года располагался знаменитый научно-испытательный автобронетанковый полигон. Тот самый, где перед началом серийного производства проходили государственные испытания практически все типы советских танков, от легких «МС» до «тридцатьчетверок» и «КВ». С началом войны объем проводимых НИАБП испытаний многократно возрос: теперь сюда свозили с фронта трофейную технику, как битую, так и захваченную целехонькой. И специалисты должны

были в кратчайшие сроки не только выяснить сильные и слабые стороны, особенности вооружения, бронирования и проходимости гитлеровских танков и самоходок, но и разработать практические рекомендации по борьбе с ними. Ходовые испытания, обстрелы различными типами боеприпасов во всех проекциях, изучение эффективности штатного вооружения против брони советских танков и прочее, и прочее, и прочее...

Спустя полчаса эшелон остановился на запасном пути, насколько мог судить Владимир Петрович – тупиковом и расположенном в самом дальнем уголке станции, рядом с какими-то приземистыми пакгаузами определенно дореволюционной постройки. Поезд оцепили высыпавшие из первого вагона бойцы лейтенанта Наметова и автоматчики в форме НКВД, зенитчиков и паровозную бригаду сразу же отправили куда-то от греха подальше. Как выразился выпавшийся и оттого лучащийся оптимизмом Очкарик: «Во, Батоныч, гляди, чего гэбня кровавая творит! Пяццот мильенов невинно расстрелянных повели. Сейчас отконвоируют за кустики – и кэ-эк дадут из пулемета...»

Полковник, не сдержавшись, фыркнул. И тут же, напустив на лицо серьезное выражение, показал товарищу увесистый кулак:

– Захлопнись, салага, вдруг кто из местных услышит! Тут подобные шуточки не в ходу, если кто не в курсе. Так что за базаром следи, душевно тебя прошу. Особенно, когда до САМОГО доберемся. Там тебе и вовсе лучше молчать – целее будешь. А то еще брякнешь чего, дитя просвещения. Особенно о том, что про причины войны пятьдесят пятого некоторые, мать их, общечеловеки после говорили[9 - Говоря о «войне 1955 года», Бат имеет в виду события, произошедшие в альтернативном мире (подробнее об этом можно прочитать в книге «Дорога к Вождю»).]. Мол, СССР сам войну готовил, а мы просто вынуждены были первыми ударить – и все такое прочее. Там и ЕГО имя неоднократно всплывало.

– Из... извините, Владимир Петрович, – мгновенно посерев лицом, Борис от волнения перешел на «вы». – Виноват, не подумал.

– Думай, говорят, это полезно, – уже беззлобно буркнул Батоныч. – Ладно, пошли, что-то мне подсказывает, вон те дяденьки-офицеры в фуражках с синим верхом по наши с тобой души прибыли. Ишь, как головами крутят...

Владимир Петрович ожидал, что у них станут проверять документы и в очередной раз выпрашивать пароль, однако обошлось без этого. Немолодой майор госбезопасности несколько секунд вглядывался в его лицо, затем полувопросительно-полуутвердительно произнес «товарищ полковник Бат?» и первым протянул руку:

– С благополучным прибытием. До разгрузки боевой машины прошу оставаться на месте, затем мы отвезем вас в Москву, там уже ждут. Какие-либо просьбы имеются?

– Никак нет, – пожал плечами Батонич, решив пока не вдаваться ни в какие подробности. Раз не спрашивают насчет Витальки, значит, уже в курсе. Ну, да, разумеется, в курсе – будто у Наметова радиосвязи не имелось!

С разгрузкой все, к счастью, прошло гладко: поврежденный «сорок четвертый», не расчехляя, аккуратно стянули с платформы. После чего, прицепив к тягачу, утащили на полигон. На сей раз буксиром оказался не тихоходный трактор имени советского вождя, а впервые увиденный Батом в реале кузовной «Ворошиловец». Этот тяжелый артиллерийский тягач, несмотря на солидный вес, оказался довольно шустрым. И без особых проблем утянул за собой тридцатитонную тушу танка с вполне нормальной скоростью километров в двадцать-тридцать в час.

Между прочим, не обошлось без встречи со старыми знакомцами: заправляли разгрузкой двое танкистов, которых Батонич запомнил еще по эпопее с разбомбленным вместе с поездом «Т-72». Да и как не запомнить, если в одном экипаже сражались, пусть и недолго? А у танкистов после первого же совместного боя экипаж навсегда семьей становится. Правда, сейчас бывший сержант Степа Гаврилов щеголял новеньким лейтенантским кубарем на петлицах, а Баранов – старшинской «пилой». Повысили, значит. О, да еще и наградили, мамлея – Красным Знаменем, а мехвода – «Звездочкой». Тоже дело, геройские ребята. Вот, значит, куда их вместо фронта отправили... с другой стороны, чему удивляться? С точки зрения товарища Сталина, они сейчас самые настоящие секретоносители, причем не пойми какого уровня.

Бата танкисты тоже узнали мгновенно. Впав при этом в кратковременный ступор: не ожидали. Да и как ожидать, если товарища полковника с товарищем батальонным комиссаром на их глазах фугасной авиабомбой в клочья разорвало?! Вместе с тем чудо-танком, на котором им повоевать довелось. Так

разорвало, что даже останков не нашли, как ни искали. Ни клочка тел, ни обрывка униформы, вообще ничего не нашли. Правда, товарища Дубинина и сейчас не наблюдалось, зато Владимир Петрович – вон он стоит, живехонек. И с ним еще какой-то незнакомый танкист в звании старшего лейтенанта АБТВ, здоровенный, будто шкаф: и как только такой в боевую машину влазит? Явно, не на легких танках воевал – такая туша разве что в башню «КВ» поместится. Ну, или в «тридцатьчетверку». Заряжающим.

Видя замешательство танкистов, Владимир Петрович поспешил прийти на помощь:

– Ну, здорово, старые знакомые! Смотрю, все живы-здоровы? Товарищ Гаврилов, вон, аж цельным младшим лейтенантом стал, да и Баранов тоже в звании прыгнул. Молодцы!

– Здравия желаем, товарищ полковник! – нестройно ответили товарищи. Затем Баранов не выдержал:

– Тарщ полковник, извините, да как же вы выжили-то?! Я ж сам видал, как бомба прямо в платформу влепилась? Да и танк мы со Степой весь облазили... ну, в смысле то, что от него опосля взрыва осталось.

Бат криво ухмыльнулся:

– И как успехи? Обнаружили чего?

– Никак нет... – переглянувшись с Гавриловым, качнул головой мехвод, припомнив, как они с Колей исследовали сброшенный с искореженной платформы разбитый «Т-72», перевернутый кверху днищем. Сорванная взрывом башня, сползшая с насыпи кверху погоном, валялась в нескольких метрах. Но ни в остро воняющем гарью боевом отделении, ни в башне не было никаких следов погибших. Ни крови, ни частей тел или обрывков одежды. Тогда он решил, что хрупкая человеческая плоть просто испарилась во время мощнейшего взрыва, но сейчас, по вполне понятным причинам, уже не был в этом уверен...

– На войне всякое случается, товарищи красноармейцы, – мягко ответил Бат. – Вот помню, году в... впрочем, не важно, в каком, рядом с одним моим знакомым снаряд фугасный рванул. Буквально в нескольких метрах. А снаряд был

солидный, стопятимиллиметровый, что ли. Солд... бойца, что первым шел, – в ключья, даже хоронить нечего было. А его просто в сторону отшвырнуло. Одежду, обувь, амуницию – все сорвало, даже нижнее белье. Словно бритвой срезало. А сам – живехонек. Мы подошли – а он голый лежит, без сознания, разумеется. Весь от копоти черный, будто негр, но живой. Его, конечно, в госпиталь сразу отправили, в Союз... ну, в смысле в тыл, но живым он остался. Вот так и с нами с товарищем Дубининым, по-видимому, вышло. Я так понимаю, прикрыл нас танк от основной ударной волны, отклонил ее. Выбросило нас из машины, да далеко в сторону откинуло. Там заросли были, видать, туда. Вот потому вы нас и не нашли. Хотя я, честно говоря, всего этого вовсе не помню. Более-менее в себя только ночью пришел, когда меня товарищ комиссар куда-то тасил. Он первым в себя пришел. А уж потом, как до наших добрались, и рассказал, как мы спаслись.

Оглядев хмурых танкистов (еще бы им не хмуриться, история их с Виталей чудесного спасения откровенно шита белыми нитками, но ничего иного в голову не пришло), Бат весело улыбнулся:

– Или вы, товарищи бойцы, все же сомневаетесь, что я – это я? Может, думаете, вам призрак явился? Так можете потрогать, живой я, из плоти и крови, как и вы оба! В виде исключения разрешаю даже ущипнуть в обход субординации!

Услышав последнюю фразу, Гаврилов едва на месте не подскочил:

– Никак нет, тарщ полковник! Не сомневаемся! Не думаем!

– Вот и ладушки, тогда за дело.

– Разрешите еще вопрос? – поколебавшись, все же решился мамлей.

– Давай, только быстро, – кивнул полковник, отлично догадываясь, о чем тот собирается спросить. Вернее, о ком. Угадал, конечно:

– А товарищ батальонный комиссар – он жив? С ним все в порядке?

Прежде чем ответить, Батонич несколько секунд размышлял. Разумеется, рассказывать правду он не собирался – да и права такого не имел, если так

подумать. Все, что касается их с Виталей, и без того засекречено по самое не могу. А врать боевым товарищам, пусть и прошедшим вместе с ним всего лишь один бой, не хотелось. Поэтому он просто пожал плечами, постаравшись, чтобы это вышло как можно более естественно:

– С товарищем Дубининым все в порядке. Сейчас он выполняет, гм, особое задание, разглашать которое я, сами понимаете, никакого права не имею. Надеюсь, вы с ним еще увидите. А вот как скоро это произойдет – этого я просто не знаю, товарищи. В некоторые подробности даже меня не посвящают. Я ответил на вопрос?

– Так точно! – заметно повеселели танкисты.

– Все, мужики, за работу. У танка поврежден ведущий каток, так что машина не на ходу. Сейчас я внутрь сползаю, передачу переключу, а вы пока начинайте тросы заводить, буксирные крюки здесь самые обычные. Тащить, думаю, лучше кормой вперед, она тяжелее. Только сначала гусеничную ленту в кузов тягача погрузите, чтобы под катками не мешалась, вон она, у края платформы свернута и чехлом накрыта.

Заметив, что Баранов весьма задумчиво глядит на укрытый брезентом танк, определенно собираясь задать еще какой-то вопрос, Владимир Петрович добавил:

– Да, все вопросы по матчасти – после, понятно? Машина экспериментальная, потому секретная. Внешнему виду особенно не удивляйтесь, это другая модель, чем та, на которой мы в прошлый раз воевали. Глубокая модернизация танка типа «Т-34», пока вам этого достаточно. Все остальные подробности узнаете... в свое время. Работаем, товарищи танкисты...

Глава 3

12 июля 1941 года, Цоссен

– Прости, Анхель, а почему ты решил, что этот комиссар – пришелец... из будущего? – осторожно спросил полковник после ОЧЕНЬ длинной паузы. Он помнил, что с фантазией у приятеля, мягко говоря, не очень, и придумать ТАКОЕ, ради шутки или в карьеристских целях, майор не способен. Внезапный приступ психоза? Для этого у Анхеля слишком прямолинейный ум. Значит, что-то дало ему основание так считать. – Есть какие-то доказательства?

– Есть, дружище Рейнхард! – одними губами улыбнулся майор.

Пошарив в брючном кармане, он выложил на столик, сдвинув кофейник в сторону, изрядно помятый и замусоленный конверт. Полковник осторожно, двумя пальцами, словно имел дело с мерзким насекомым, взял конверт, и... ему на колени выпал какой-то предмет, а вслед за ним посыпались тонкие книжицы в коленкорových переплетах и разноцветные бумажки с цифрами.

– Это... что? – ошарашенно воскликнул хозяин кабинета.

– Деньги, документы комиссара и некое техническое устройство. Все это найдено у него в нагрудных карманах при обыске, – объяснил майор.

– Устройство? – Полковник поднял тонкую пластину, размером примерно с портсигар. – Из чего это вообще сделано? Одна сторона матовая, и на ней какой-то... гм... глазок. Вторая сторона блестящая.

– Вторая сторона – экран! – с некоторой долей самодовольства, как будто он каким-то образом приложил руки к созданию сего чуда технической мысли, ответил майор. – Причем цветной! Сейчас там, похоже, питание село, но когда устройство работало, при нажатии на боковую кнопку вся лицевая поверхность светилась.

– И... что там было? На экране? – оторопело спросил полковник, вертя в руках загадочную штуку.

– Запрос пароля для работы. Подобрать не удалось, а сообщить его нам комиссар отказывается. Методы допроса третьей степени к нему пока не применялись, – с каким-то ожесточением ответил майор. – Ты открой документы, пролистни. Ты ведь читаешь на русском. Это весьма интересно! Первый документ – офицерское удостоверение, или, как его называют русские, –

командирская книжка. Там всё вполне стандартно, за исключением того, что «батальонный комиссар» числится в Особом отделе четвертой армии. А эта армия сейчас довольно далеко от того места, где комиссар попал в плен. Зато вот те два, в бордовых обложках – общегражданские паспорта.

– Что? Какая еще Конфедерация народов России?[10 - Виталий Дубинин отправился в свою последнюю экспедицию из альтернативного мира, где после распада Советского Союза образовалась Конфедерация народов России (прим. авторов).] – вытаращил глаза полковник, заглянув в первый документ.

– Рейнхард, ты год выдачи паспорта посмотри! – усмехнулся майор.

– Две тысячи одиннадцатый год? Это явно какая-то шутка! – тихо сказал полковник.

– Посмотри второй! Он еще занятнее! – ухмыльнулся майор.

– Российская Федерация? Год выдачи – две тысячи второй! Два паспорта из... разных стран? Нет, Анхель, это явная подделка!

– Качество полиграфии видишь? – уже откровенно улыбнулся майор. – Все данные напечатаны, а не вписаны от руки. И это сделано не на печатной машинке! А водяные знаки? Их явно наносили типографским способом. Кроме водяных знаков там еще и какие-то блестячки есть, где рисунок герба разными цветами переливается и выглядит объемным.

– И гербы... гм... императорской России, – заметил полковник.

– Не совсем! Есть определенные различия! – отрицательно покачал головой майор. – Они незаметны неспециалисту, но я консультировался со знающими людьми. Гербы явно неканонические, при этом на обоих паспортах – различаются некоторыми особенностями.

– Для подделки слишком много деталей! – буркнул полковник, продолжая внимательно вглядываться в оба документа, изредка переворачивая странички.

– А теперь взгляни на деньги! – предложил майор, глядя на приятеля с видом ученого, открывшего новую отрасль науки.

– Это... деньги? – Полковник взял в руки разноцветные бумажки.

– Купюры достоинством в сто, пятьсот, тысячу и пять тысяч рублей. «Билеты Банка России». Качество исполнения – высочайшее! Около десятка степеней защиты, водяные знаки, микрошрифты, какие-то вшитые блестящие ленты, переливающиеся рисунки. Я сравнил с рейхсмарками – небо и земля! По сравнению с этими... гм... рублями наши марки – просто фантики.

– Ну... допустим! – минут через десять сказал полковник, осторожно кладя паспорта и деньги на край стола. – Я говорю: ДОПУСТИМ, что все это... вполне подлинные документы и купюры, созданные с применением неизвестных нам технологий. Но в то, что ЭТО каким-то образом попало к нам из будущего, я пока не верю.

– И загадочное устройство тебя не убеждает? – скривился, словно от зубной боли, майор.

– Я его в рабочем состоянии не видел и судить о его технических свойствах не могу! – отрезал полковник. – Найди специалистов, пусть разберут его по винтику... если тут вообще есть винтики... Для начала пусть подключат питание! Паспорта и деньги – отдать на экспертизу. Не мне тебя учить, Анхель!

– Слушаюсь, господин полковник! – Майор, не вставая из кресла, изобразил стойку «смирно» и даже прищелкнул каблуками сапог.

– Прости, Анхель, не обижайся! – немного смягчил тон полковник. – Пока представленные тобой... гм... доказательства интересны, но неубедительны. Они не доказывают твое предположение о иновременном происхождении пленника. Кстати, сам он что об этом говорит?

– Ничего конкретного он не сказал, только смеялся! – вздохнул майор. – Он вообще ведет себя чрезвычайно нагло и развязно, даже вызывающе, как будто не боится смерти. Наоборот – он специально провоцировал меня на физическое насилие. Я, признаться, с трудом сдержался, чтобы не врезать ему по роже. Особенно после того, как он назвал нас всех педерастами. Впрочем, он нас

постоянно так называет.

- Хм... - даже поперхнулся от такой новости полковник. - Это как-то... необычно! Я допрашивал нескольких пленных, после начала войны мне привозили русских офицеров среднего и высшего звена. Они ругаются... традиционно. Ну, сволочами и гадами могут назвать... Но обвинять в гомосексуализме? На каком, простите, основании?

- Так он всех европейцев вкуче обвиняет! - пожаловался майор. - Европу называет «Немытой Гейропой»! Как мне удалось выяснить, гей - это в его понимании как раз и есть педераст[11 - В то время термин «гей» не использовался даже в англоязычных странах. Широкое использование сей термин получил в эпоху расцвета толерантности (прим. авторов).]. Говорит, что канцлером у нас будет баба, а педерасты станут проводить ежегодные парады в центре Берлина.

Полковник несколько секунд смотрел на приятеля, словно ожидая, что тот сейчас дезавуирует свои слова, сказав: «Шутка!» Но майор молчал, только покусывал губу.

- Анхель, а этот твой... комиссар сказал, когда война закончится? - осторожно, как будто боясь спугнуть источник ценной информации, спросил наконец полковник.

- Хех... сказал... - замялся майор. - Вернее, точную дату он не назвал, но в запале проговорился: большевики разгромят нас с позорным счетом, их казаки будут поить коней из Шпрее.

- Казаки? - удивленно выгнул бровь полковник. - Из Шпрее?

- Он пел песню... Всех слов не помню, но там была такая строчка: «едут по Берлину наши казаки».

- Вот даже как? Он про ЭТО песни поет? - усмехнулся полковник.

- И не только про это... - грустно кивнул майор. - Уже не на допросе, а сидя в камере, он, пытаясь, видимо, себя подбодрить, спел о разрушении Вашингтона.

– Вашингтона? Столицы САСШ? Они ведь союзники? – прищурил глаза полковник.

Майор достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, развернул и зачитал:

– «Может, мы обидели кого-то зря, сбросили пять лишних мегатонн. И пылает голубым огнем земля, где был когда-то город Вашингтон».

– Что это может значить? Ладно, пусть Вашингтон, но что это за голубой огонь и мегатонны? – попытался взять себя в руки полковник, по спине которого заструился холодный пот – такой уверенностью в неизбежном наказании повеяло от явно шутливой песенки.

– Подозреваю, что речь идет о каком-то супероружии, – пожал плечами майор. – В этой песне еще такие слова были: «Медленно ракеты улетают вдаль, встречи с ними ты уже не жди. И хотя Америки немного жаль, у Европы это впереди. Скатертью, скатертью хлорциан стелется и забирается под противогаз. Каждому, каждому в лучшее верится. Падает, падает ядерный фугас».

Полковника ощутимо передернуло:

– Хлорциан?

– Хлорциан – боевое отравляющее вещество, – пояснил майор. – Я уточнял – он был впервые применен войсками Антанты в июле 1916 года. И он действительно очень плохо сорбируется угольной шихтой противогаза.

– Они готовы применить химическое оружие? – вскочил из кресла полковник.

– И, вероятно, не только его! – хмуро кивнул майор. – Там ведь еще про какой-то «ядерный фугас» упоминалось.

– Большевики обладают оружием, способным сжигать города? – Полковник принялся ходить кругами по кабинету. – Но почему мы об этом ничего не слышали?

Внезапно хозяин кабинета остановился напротив гостя и тихо сказал, глядя ему в глаза:

– Анхель, мне очень хочется побеседовать с твоим пленником. Я надеюсь, ты привез его с собой?

Майор кивнул.

– Я дам тебе адрес явочной квартиры в Берлине. Отвези его туда. Постарайся все сделать тихо. Если мы его расколем, то... Информация подобного рода очень дорого стоит!

Глава 4

12 июля 1941 года, Москва

«Ну, ладно «Паккард», мы не гордые, но хоть какой-никакой «ЗиС» могли бы и прислать», – чуть сварливо пробурчал себе под нос Батоныч, оглядев предложенное им средство передвижения. Очень тихо пробормотал, разумеется, так, что даже Очкарик ни слова не понял, хоть и нахмурил лоб, прислушиваясь. Сопровождавшие их энкавэдисты и вовсе ничего не расслышали, поскольку топали в нескольких метрах впереди. Бурчал он, разумеется, не всерьез: ради того, чтобы поговорить с самим Сталиным, он бы и в кузове распоследней полуторки прокатился. Да что там полуторки – пешком бы пошел! Вприпрыжку побежал! Ведь это не кто-нибудь – СТАЛИН! Единственный нормальный правитель гигантской супердержавы, рядом с которым все последующие смотрелись откровенно бледно. Да никак, если честно, не смотрелись!

А почему бурчит? Так понятно почему – от волнения. Это Виталя с Вождем уже не раз и не два разговаривал, пусть и по телефону. Накоротке, можно сказать. А он всего однажды, да и то не совсем лично, поскольку находился рядом с Дубининым. Ну, тогда, когда Димон, приняв звонок с аппарата в дежурке, сначала пообещал телефонному шутнику ноги переломать... Волнуется он, короче говоря, не по-детски. Аж голова немного разболелась, причем не пойми

отчего: то ли от этих самых переживаний, то ли после выпитой вчера без закуски водки. Ведь, если по-честному, это Дубинин должен с Иосифом Виссарионовичем встречаться, а не он. Но Виталика нет – и хорошо, если он просто вернулся в будущее, а не погиб! – так что придется ему самому отдуваться...

Транспорт, кстати, вполне нормальный для этого времени: пара обычных горьковских «эмочек», которые «Молотовский-первый»[12 - Аббревиатура «М-1» производимого на Горьковском автозаводе легкового автомобиля расшифровывалась как «Молотовский-первый», в честь председателя Совнаркома В. М. Молотова.]. Погрузились – в первую Бат с Очкариком и встречавший эшелон майор госбезопасности, во вторую – трое сопровождающих пониже званием, младший лейтенант и пара сержантов. Лейтенант Наметов, к удивлению Батоныча, в Москву не поехал, оставшись на месте. Поерзав на пассажирском диване, Владимир Петрович вынужден был с усмешкой признать, что по уровню комфорта детище советского довоенного автопрома значительно уступает привычному «Гелендвагену», но ехать можно. Особенно когда автомобиль перестал наконец петлять по не шибко ровной грунтовой дороге и вырулил на магистральное шоссе.

Ехали довольно долго. Бат помнил, что от Кубинки до города что-то около шестидесяти километров, но одно дело подобное расстояние в его время, и совсем иное – в первой половине прошлого века. Ну, в смысле двадцатого. Зато ни пробок тебе, ни прячущихся в придорожных кустах гаишников... впрочем, судя по рассказам Виталика, он настоящих пробок-то и в глаза не видел. За неимением последних в его варианте будущего, ага. Когда въехали в Москву, стало поинтересней, благо смотреть в окна, несмотря на наличие на них светомаскирующих шторок, никто не препятствовал. Коренному москвичу Бату, чья семья переселилась в столицу из небольшого поволжского села Батологово еще в конце XIX века и потому избежала и голода тридцатых, и депортации осени 1941 года, было интересно, как выглядел родной город задолго до его рождения. Особенно сейчас, во время самой страшной в человеческой истории войны. К слову, ничего столь уж бросающегося в глаза он не заметил, и городской транспорт по улицам ездит, и свободные от работы люди ходят. Разве что людей в военной форме больше, чем обычно, да вооруженные патрули регулярно встречаются.

А вот затем автомобиль подъехал к Кремлю. Который Владимир Петрович... ну, не то чтобы не узнал, но был удивлен увиденным, хоть и читал в своем времени о маскировке центра Москвы. Звезды на башнях оказались зачехлены, а

золоченые купола соборов – покрашены темной краской. Желтые стены правительственных зданий стали серыми – кое-где покраска еще продолжалась, Бат видел строительные леса и люльки маляров. Кремлевские стены покрылись геометрическими фигурами, с высоты птичьего полета выглядящими, словно крыши жилых домов, знаменитые зубцы обшили фанерой. Красная площадь тоже изменилась: вместо Мавзолея высился «жилой дом», надстроенный над ним еще на два этажа, трибуны маскировали фанерные «крыши». Кое-где прямо на брусчатке стояли одно- и двухэтажные декоративные домики. А когда автомобиль, практически не снижая скорости, въехал в ворота Спасской башни, под колесами заскрипел самый настоящий... песок, имитирующий отлично заметную с самолета грунтовую дорогу, тянущуюся до Боровицких ворот.

Батонич негромко хмыкнул: серьезно предки к маскировке подошли! Пожалуй, нынешняя картина центра столицы абсолютно не совпадает с довоенной аэрофотосъемкой. Конечно, большая часть маскировки «работает» только в светлое время, да и теней она в большинстве своем не дает. Однако ночные бомбардировки здесь принято проводить при свете сброшенных первой волной зажигательных и осветительных бомб, и в данном случае фрицам такая «подсветка» не поможет. Когда-то Владимир Петрович читал, что осветительные бомбы на парашютах расстреливались в полете силами малокалиберной ПВО, а по самолетам работали более мощные зенитные орудия и истребители. Кстати, интересно, в реальной истории Москву к этому времени уже начали массированно бомбить или товарищ Сталин снова форсирует события? Вроде бы должны, уже июль к середине подходит. А с другой стороны, немцы здесь куда дальше от Москвы, чем в его... ну назовем это «вариантом истории». Так что явно без их с Виталей информации не обошлось...

Автомобили меж тем свернули в боковой проезд и вскоре остановились возле здания Совета Министров, на втором этаже которого, как знал Бат, находился кабинет Иосифа Виссарионовича. Выбираясь из машины, полковник задумчиво оглядел собственную униформу: гм, это что ж получается, они в таком виде к САМОМУ и пойдут? Нет, пропахшие соляжкой и кордитным дымом, кое-где порванные комбинезоны они с Борисом сняли еще в поезде. По прибытии на станцию сдав вместе со шлемофонами и оружием энкавэдистам («Калаши» Батонич отдал без особых душевных сомнений – благодаря их с Виталей прошлым «провалам» у предков подобные уже имеются). Но все равно форма выглядела... собственно, как и должна выглядеть после боя в душном боевом отделении танка и неслабой драки с немецкими диверсантами. Неужели их так и отведут к Сталину? Помятых, с несвежими подворотничками и провонявших потом? С другой стороны, уж кто-кто, а Иосиф Виссарионович определенно

далек от всяких условностей. Не тот он человек, чтобы на подобные мелочи размениваться и всерьез внимание обращать. Да и время дорого. И так они с Виталиком слишком долго к нему шли...

Время привести себя в порядок им все-таки дали. Когда вместе с сопровождающими зашли в здание Совмина, обоих сначала отвели в помещение, которое Бат – по аналогии с привычными ему реалиями – назвал «комнатой отдыха». По крайней мере, ванная, размерами со среднестатистическую жилую комнату, тут имелась, а из крана текла достаточно горячая вода. Так и не представившийся майор госбезопасности с рук на руки передал обоих своему коллеге, судя по знакам различия, пребывавшему в аналогичном звании. Который и сообщил, что у них на все про все не больше получаса. В смысле что душ, к примеру, принимать не советует, но побриться-умыться за это время вполне можно успеть. Тем более все необходимое имеется.

Владимир Петрович и Очкарик спорить, разумеется, не стали. И умылись, и привели в порядок обмундирование. А Батонич, не в силах отказать себе в удовольствии, еще и побрился, воспользовавшись нашедшейся в санузле опасной бритвой в оригинальном картонном футляре. Судя по надписи на украшенном матовым травлением лезвии, самым настоящим немецким «Solingen», названным в честь одноименного города и известной оружейной фирмы. Не трофей, понятное дело, видать, еще из довоенных запасов. Полковник в курсантской юности подобными уже не пользовался, а вот у отца аналогичная точно имелась. Пока брился под ироничными взглядами Карикова (который на подобный риск пойти не решился, сославшись на все еще побаливающую руку), трижды успел пожалеть о принятом решении. Поскольку дело это оказалось отнюдь не столь простым, как он привык в своем времени. Даже банальный бритвенный станок со сменными лезвиями был куда удобнее в использовании. Но не бросать же начатое на полпути? Только не хватало к Иосифу Виссарионовичу недобритым явиться...

Сопровождающий явился, без стука распахнув дверь, ровно через полчаса. «Похоже, время по часам засекал, – подумал дезинфицирующий «Шипром» пару небольших порезов на щеке Батонич. – Ну и правильно. А то разленились вы, товарищ полковник, дальше некуда, отвыкли по распорядку жить. Вас бы снова, как когда-то, в африканскую саванну, юаровские танчики жечь да амерских – или как там их Виталик называет, «пиндосовских»? – военспецов на гусеницы наматывать...»[13 - В реальности полковника Бата не было ни ввода советских войск в Демократическую Республику Афганистан, ни чеченских войн 90-х годов.

Зато СССР выступил на стороне созданного в конце шестидесятых Союза социалистических африканских республик (ССАР), сражаясь против войск ЮАР, поддерживаемых США и Великобританией. В отличие от нашей истории Советский Союз не маскировался стыдливо под «местных», посылая в Африку только военных советников. Советские войска сражались совершенно открыто, силами полноценных батальонных групп, полностью оснащенных самой современной техникой и укомплектованных исключительно русскими военными служащими.]

Внимательно оглядев обоих и, судя по выражению лица, удовлетворившись увиденным, майор сообщил:

– Готовы, товарищи командиры? Отлично. Прошу следовать за мной.

Поднявшись на этаж по широкой мраморной лестнице, остановились возле массивных дубовых дверей, по сторонам от которых застыла по стойке смирно пара сержантов ГБ, комплекцией схожих с советскими десантниками со старых плакатов времен курсантской юности Владимира Петровича. Эдакие человекоподобные шкафы под два метра ростом и с косою саженью в плечах, только тельняшек да лихо заломленных голубых беретов не хватает. Гладко выбритые подбородки, равнодушно-холодные взгляды из-под козырьков низко надвинутых фуражек с малиновыми околышами. Новенькие пистолетные кобуры на поясах казались игрушечными. Впрочем, Батонич отчего-то ни секунды не сомневался, что, попытайся он сделать какую-нибудь глупость, эти ребята даже за оружием не полезут. На фигу им оружие? Голыми руками в бараний рог согнут, заодно свернув набок дурную голову.

– Дальше вы сами, – негромко произнес майор, нажимая на отполированную бронзовую ручку. – Входите, товарищ Поскребышев вас ожидает. Прощайте, товарищи.

Сидящий за массивным столом с несколькими допотопными телефонными аппаратами (подобные Бат и сам еще застал – вроде бы этот похожий на черную пластмассу материал назывался то ли карболитом, то ли эбонитом) обритый налысо человек, в котором Батонич безошибочно узнал неизменного сталинского секретаря, поднял голову, без малейшего удивления взглянув на вошедших:

– Товарищи Бат Владимир Петрович и Кариков Борис Ринатович? – Поскребышев безошибочно взглянул на каждого, словно видел не впервые в жизни. – Здравствуйте. Проходите, товарищ Сталин вас ждет.

И снова уткнулся в какие-то разложенные перед ним бумаги, заставив Батонича на миг ошарашенно замереть. Что, и это все?! Вот так вот просто? Самому коснуться ручки, открыть дверь (отнюдь не какую-нибудь там бронированную, а даже на вид самую что ни на есть обычную дубовую), шагнуть через порог – и все?

В себя его привел едва заметный тычок в спину: Очкарик, для которого Иосиф Виссарионович все же был не более чем историческим персонажем – да, легендарным и все такое прочее, но тем не менее, – первым пришел в себя. Негромко прокашлявшись, полковник оправил гимнастерку под ремнем, привычно проверил ладонью, ровно ли сидит на голове фуражка, – и толкнул входную дверь. Начатая застрявшим в автомобильной пробке Виталькой Дубининым долгая дорога к Вождю наконец завершилась. Теперь предстояла долгожданная встреча, об исходе которой пока можно было только догадываться...

* * *

Рабочий кабинет Иосифа Виссарионовича оказался достаточно просторным и светлым, с несколькими окнами на одной из стен. Разумеется, Батонич не раз видел его в «Библиотеке»[14 - Библиотека – аналог сети Интернет в том мире, откуда прибыл в прошлое Батонич. Подробнее об этом можно прочитать в книге «Дорога к Вождю».], но фотографии – это одно, а реальность – несколько иное. Совсем иначе воспринимаются и размеры, и интерьер. Последний, к слову, был достаточно спартанским, буквально ничего лишнего. Отделанные потемневшими дубовыми панелями стены. Рабочий стол с электролампой на высокой ножке и под типичным для этого времени круглым абажуром, письменный прибор и пепельница на зеленом сукне. Позади – огромная, в полстены, карта СССР, сейчас наполовину зашторенная (примерно по Уральскому хребту, как машинально отметил Бат). Пара непривычного вида кожаных кресел по сторонам – судя по потертостям, пользовали их достаточно интенсивно. Этажерка с книгами и напольные часы под стеной. Окруженный стульями с высокими прямыми спинками стол для заседаний. Диван под белым матерчатым чехлом. Все, собственно...

Отчего-то Батонич, в детстве и юности пересмотревший множество художественных фильмов о Великой Отечественной, ожидал, что Вождь – согласно киношному канону – будет сидеть за столом, погруженный в работу с какими-то документами. Попыхивая неизменной трубкой и отчеркивая наиболее важные места красным карандашом. А затем, словно бы удивившись «нежданным» гостям, поднимет голову и произнесет нечто вроде «таварыщи танкисты? Нэ ажидал вас так скоро. Ну, что ж, прахадьте, нам ест а чем пагаварить»...

Ага, прямо сейчас!

Товарищ Сталин и на самом деле «попыхивал неизменной трубкой», вот только не за столом, а стоя возле окна. При этом Вождь... улыбался, словно старым знакомым! Да, именно улыбался! Что ж, пожалуй, впечатление ему произвести точно удалось, как отстраненно подумал полковник, меньше всего ожидавший чего-то подобного...

Но на этом неожиданности вовсе не закончились: в противоположном углу кабинета стоял, сложив руки на груди и поблескивая знаменитым пенсне, народный комиссар внутренних дел Лаврентий Павлович Берия...

Прежде чем Бат успел перейти на строевой шаг, собираясь преодолеть последние метры, Иосиф Виссарионович махнул рукой:

– Владимир Пэтрович, как я панимаю? А ви, маладой человек, видимо, старший лэйтена́нт Кари́ков? Ну, здравствуйтэ! – знаменитый грузинский акцент в его речи оказался не настолько выраженным, как представлялось Батоничу. Он был – но если немного привыкнуть, так и вовсе замечать перестанешь. Да и фразы Сталин выстраивал абсолютно правильно – русским он владел в совершенстве. Не зря ведь Калинин некогда сказал: «Вот если бы спросили меня, кто лучше всех знает русский язык, я бы ответил – Сталин».

– Нэ нужно. Ви не на строевом смотре, таварищи, ви у меня в гостях. Полагаю, мнэ прэдставляться нэ нужно?

Беззвучно шагая по вытертой ковровой дорожке, Вождь подошел к замершим без движения танкистам и первым протянул руку. Чуть замешкавшись, Бат пожал его ладонь; то же самое сделал и Очкарик. Рукопожатие оказалось по-

мужски сильным. Ладонь хозяина кабинета была сухой и горячей.

– С прибытием, товарищи... патомки. Очень приятно пазнакомиться. Ви долго до меня добирались, тем ценнее наша с вами встрэча. Присаживайтэсь. – Вождь сделал призывный жест, указывая на гостевые кресла по сторонам от его стола. – Лаврэнтій Павлович, пазнакомься с нашими гэроическими танкистами... из будущего.

– Здравствуйте, товарищи командиры, – достаточно сухо кивнул наркомвнудел, в свою очередь поочередно пожимая обоим руки.

– Устраивайтэсь поудобнее, товарищи, бистро я вас нэ отпущу. Разговор, как мнэ кажэтся, будет долгим. – Иосиф Виссарионович добродушно ухмыльнулся. – Товарищ Бэрия, ти тоже присаживайся. Хатите чаю, кофе? Можит бить, минэральной воды? Нэ знаю, что ви привыкли пить в, гм-м, будущем...

– Спасибо, товарищ Сталин, не нужно, – за обоих ответил Бат.

– А вот я бы от кофе, пожалуй, не отказался, – неожиданно влез Очкарик, заставив полковника мысленно поморщиться. Неужели промолчать не мог? Они сюда что, кофе, блин, пить приехали? Нет, понятно, что Кариков еще молодой, что особого пиетета перед САМИМ не испытывает (а всеильный нарком для него и вовсе не более чем один из исторических персонажей), но сейчас мог бы и проникнуться моментом!

Однако хозяин кабинета, пряча в прокуренные усы усмешку, отреагировал на просьбу абсолютно спокойно:

– Харашо, я сэйчас распоряжусь. Толко очэнь вас прашу, товарищ Бат, нэ нужно стесняться или, что еще хуже, бояться меня. Нам и на самом деле есть а чем пагаварить...

Обойдя стол, Иосиф Виссарионович аккуратно пристроил потухшую трубку на край хрустальной пепельницы и опустился в кресло. Вызвав по внутреннему телефону секретаря, распорядился насчет кофе. Уперев в столешницу локти и сцепив пальцы, положил подбородок на руки, изучающе глядя на гостей. Впрочем, молчание длилось недолго, секунд десять.

– Пра товарища Дубинина я знаю. Очэнь жаль, что он нэ смог до миня добраться. Но, убежден, это временное, гм, прэпятствие. Нэ тот чэловек товарищ комиссар, – в этом месте Вождь позволил себе еще одну ухмылку – мол, знаю, знаю, какой он на самом деле комиссар! – чтобы так просто пропасть. Его и после врэмя боя в Брэстской крэпости погибшим считали, и когда та автомашина взорвалась, и позже. Сагласны, товарищ Бат?

– Так точно, товарищ Сталин, – заставил себя продавить сквозь неподатливое горло Батоныч. – Вы все правильно сказали, не тот он человек! Витал... то есть товарищ Дубинин выберется, абсолютно в этом уверен. Выживет. И вернется.

– Вот и я так думаю, – абсолютно серьезно кивнул Сталин. – А ми ему поможем. Я уже отдал все необходимые распоряжэния, кампэтентные товарищи занимаются. Очэнь кампэтентные, да. Сам товарищ Судоплатов обещал помочь. Думаю, нэ подведет, недолго ему в нэмэцком плэну оставаться. Правильно гаварю, Лаврэнтий Павлович?

Берия кивнул:

– Совершенно верно, товарищ Сталин. Работаем по всем направлениям. Результат скоро будет.

– Спасибо, товарищ Сталин, товарищ Берия, – на всякий случай поблагодарил Бат. – Но, в случае чего, вы даже не думайте, Виталик фрицам ни полслова лишнего не скажет. Ручаюсь!

– Это я знаю, много с ним гаварил. Нисколько в этом нэ сомнэваюсь. Но сэйчас про другое хачу спросить. Ви же не против?

– Никак нет, товарищ Сталин!

– Харашо, Владимир Пэтрович. Давайте так дагаварымся: все переданные вами докумэнты я внимательно изучил... очэнь внимательно. Паэтому об этом ми говорить пока нэ будэм, харашо? Скажу вам по секрету: многие из этих докумэнтов уже работают. Очэнь успешно и прадуктивно работают. Мне же интэресно вашэ личное мнэние, как непосредственного, скажим так, свидетеля.

Иосиф Виссарионович на несколько секунд замолчал, подыскивая подходящие слова:

– Знаете, что я подумал? Можит, даже и неплохо, что ми с вами поговорим раньше, чем с товарищем Дубининым. Ви старше его, значит, и знаете больше. Тем более, насколько я понял, тот мир, где жил товарищ Дубинин, уже сильно изменился. Помните тот наш разговор, когда я пазванил вашему, гм, падчиненному? Тому, который обещал мнэ ноги паломать?

– Товарищ Сталин... – вскинулся было Батоныч. Однако Иосиф Виссарионович только рукой махнул: молчите, мол, не о том речь.

– Патаму ответьте, как ви думаетэ, что нам нужно сдэлать, чтоб сохранить Советский Союз? Пусть не прямо сэйчас, пусть позже, после войны? И пачиму он развалился нэ только в том мире, куда я... пазванил в первый раз, но и во всэх остальных вариантах... э-э... истории? Которую ми с вами так успэшно мэняем? В чем же причина? Что ми дэлаем нэ так? И что нам нужно еще сдэлать? Сумеете отвэтить, товарищ Бат? Мне нужно именно ваше мнэние, как человека, который жил в то врэмя и видел, как все происходило. Нэ нужно стэсняться, выбирать виражэния или что-нибудь приукрашивать, гаварите как думаете. Исключительно чэстно, от души. Я настаиваю. Мне – и всем нам – это крайне важно!

– Попытаюсь, товарищ Сталин, – кивнул Владимир Петрович.

А про себя подумал: вот это он, похоже, попал...

– Значит, честно? Вот, прямо так, как думаю, и говорить?

– Именно так, – кивнул собеседник. – Ситуация слишком серьезна, чтобы разводить политесы, ви ведь и сами это прэкрасно панимаете. Там, в вашэм будущем, и так слишком много гаварили, особэнно на съездах. Вот и договорились, да. И так? Или вам нужно врэмя падумать?

– Да нет, пожалуй... – задумчиво покачал головой Батоныч. – Чего уж тут думать, все столько раз передумано, что аж тошно... Знаете, что я, имей такую возможность, сдэлаю бы в первую очередь? Ну, в смысле там, в своем времени? Перестрелял бы без суда и следствия несколько сотен, если не больше, всяких будущих диссидентов, западных агентов влияния, зажавшихся представителей

партийной номенклатуры, деятелей искусства... да просто продажных тварей, что в сторону Запада, раскрыв рот, глядели. Могу даже примерный списочек составить, имена там все больше известные будут, из числа тех, что на телеэкранах и в газетах регулярно мелькали.

От ответа товарищ Сталин, похоже, слегка опешил:

– Дожили вы там... в своем светлом будущем... Бэз суда и слэдствия, говорыте?! По другому никак не выйдед?

Вождь быстро переглянулся с нахмурившимся Лаврентием Павловичем, судя по выражению лица, также не ожидавшим услышать ничего подобного.

– Никак! – Владимир Петрович яростно рубанул ладонью воздух. – Потому что по закону, боюсь, ничего дельного не выйдед. Отмажутя, как уже бывало. Или отсидят свои сроки да продолжат антисоветскую деятельность, только теперь уже как «невинно пострадавшие от тирании узники совести».

– Гм... очэнь неожиданное... прэдложение... – пробормотал Иосиф Виссарионович, задумчиво вертя в руках потухшую трубку. Наркомвнудел молчал.

– Так вы ведь сами просили, товарищ Сталин, не стесняться и говорить так, как думаю. А думаю я именно так. И никак иначе. Я ведь это не прямо сейчас придумал, на эмоциях, так сказать. Было время, я об этом многонько размышлял... а потом просто рукой махнул. Поскольку понял, что в одиночку все равно ничего не изменишь, даже и пытаться не стоит. Прихлопнут и не заметят. Или, скорее, просто не заметят. Э-эх, да что там говорить... – Батоныч обреченно махнул рукой.

– Успокойтесь, таварищ Бат, я прэкрасно панимаю ваши эмоции, но голова должна оставаться холодной. Тем более что тэперь, – Вождь отчетливо интонировал последнее слово, – у всэx нас появился отличный шанс многое изменить. Многое, если нэ все! Продолжайте, Владимир Пэтрович, вам ведь навэрняка еще есть что сказать?

– Да что тут еще скажешь... Хотя... – Батоныч помедлил, решая, стоит ли продолжать. Уж больно опасную тему он собирался затронуть. Если б с глазу на

глаз, тогда еще ладно, но тут еще и Берия присутствует. Стоит ли при нем ЭТО говорить? С другой стороны, Лаврентий Павлович теперь знает, чем для него все в пятьдесят третьем закончилось...

Мгновенно заметив его нерешительность, Вождь ободряюще дернул подбородком:

– Смэлее, тут ВСЭ свои. Я ведь сказал, ни стэсняться, ни приукрашивать ничего нэ нужно. Гаварите как есть.

Выделенное интонацией слово «все» полковник заметил. Что ж, все так все. Вождю в любом случае виднее...

– Понимаете, товарищ Сталин, по большому-то счету как вас... не стало, так все и рухнуло. Не сразу, конечно, постепенно, год за годом, но я считаю именно так. А причина? Простите меня, Иосиф Виссарионович, – Бат впервые назвал собеседника по имени, однако тот этого словно бы и не заметил, – но вы не подготовили реального преемника. Да, я понимаю, что власть, особенно в такое непростое время, должна быть единоличной и жесткой, но тем не менее. Союз, как мне кажется, начал разваливаться в тот самый момент, когда ваши... гм... последователи начали эту самую власть делить. Если вообще уж просто сформулировать – это вы жили страной и для страны, а они – нет. Они жили в основном исключительно для себя. Причем с каждым годом все больше и больше. Сначала еще прикрывались идеологией, а потом и ее отбросили.

Уф, решился-таки, сказал... Теперь бы еще знать, во что это для них с Очкариком выльется...

Похоже, ни во что.

– Полагаэте? – абсолютно спокойно, словно услышав нечто не слишком и важное, спросил Сталин, снова быстро переглянувшись с Лаврентием Павловичем. – Да, о чем-то подобном мэня и Виталий Дмитриевич прэдупреждал... Спасибо, я обязательно падумаю об этом. Возможно, это и на самом деле моя... ошибка. – Батонич все же заметил крохотную паузу: признаваться в собственной, ну, пусть будет так, некомпетентности Вождь крайне не любил, тем паче при посторонних.

– Что-нибудь еще, товарищ Бат?

– Еще? Сложно сказать... Экономика, наверное. Я, конечно, не специалист, но полагаю, что послевоенной экономикой нужно всерьез заняться. В документах Дубинина об этом должно быть довольно много информации – насколько знаю, Виталий эту тему всерьез рыл... простите, прорабатывал.

– Да, я читал. – Сталин ухмыльнулся в усы. – И над этим ми тоже работаем. А вот расскажите, товарищ полковник. – Ого, что-то новенькое! Это что ж получается, ему вроде как самоприсвоенное вместе с формой звание официально утвердили? Причем на самом верху? Хорошо бы, если так. – Как вам удалось силами всего одного танка астановать и уничтожить цэлую нэмэцкую дивизию? Ну, смэлее, что же ви задумались?

Батоныч и на самом деле задумался. Ну и какого ответа от него ждут? Тем более что он по большому-то счету и сам точно не знал, как у них с Виталей это получилось. Слишком много сопутствующих факторов. Тут и везение, и подходящая для засады местность, и знание того, как именно привыкли воевать гитлеровцы. И не сгоревший вместе с тягачом дополнительный боекомплект, без которого ничего подобного им бы просто не удалось. И помощь так вовремя повстречавшихся танкистов и пограничников лейтенанта Кижеватова, оказавшихся, как говорится, в нужном месте в нужное время...

– А давайте я вам нэмножечко памагу, – неожиданно произнес Иосиф Виссарионович, заметивший замешательство Бата. – Сначала расскажите нам с товарищем Бэрия о вашем удивительном танке. Все, что от него осталось после взрыва нэмэцкой бомбы ми, разумеется, эвакуировали в надежное мэсто. Сэйчас с обломками работают спэциалисты, но мне би хатэлось услышать подробности имэнно от вас. Это же не сэкрет? – Сталин неожиданно широко улыбнулся. – Толко самое важное, харашо?

– Хорошо, товарищ Сталин, – кивнул Батоныч, благодарный собеседнику за подсказку. – Это был основной боевой танк Советской Армии «Т-72». Разработан в конце шестидесятых, принят на вооружение в самом начале семидесятых годов. Вес – 42 тонны, двигатель – дизель мощностью почти в восемьсот лошадиных сил. Вооружение – гладкоствольная пушка калибром 125 мм, способная вести огонь разными типами боеприпасов, в том числе управляемыми противотанковыми ракетами. Скорострельность – восемь выстрелов в минуту, предельная дальность стрельбы – до девяти километров, ракетой – до пяти.

Благодаря стабилизаторам орудия в горизонтальной и вертикальной плоскости, автомату удержания цели и баллистическому вычислителю может вести прицельный огонь в движении и на любой скорости. В том числе и в ночное время. Перезарядка автоматическая, с помощью автомата зарядания. Выстрелы отдельного зарядания, гильза частично сгорающая. Скорость по пересеченной местности – тридцать пять километров в час, по шоссе – до пятидесяти, запас хода с подвесными баками – около шестисот километров. Лобовая броня двести миллиметров, башня – двести пятьдесят, борт – восемьдесят. Экипаж три человека.

Слушали Бата молча, не задавая никаких вопросов, лишь Берия делал какие-то пометки в лежащем перед ним блокноте.

– Очень интересно, – кивнул Сталин, когда Владимир Петрович замолчал. – В целом все понятно. Небольшое уточнение: наши люди нашли на месте боя какие-то металлические цилиндры, мне товарищ Берия показывал. Что это?

– Поддон от частично сгорающей гильзы. Проще говоря, та ее часть, где расположен капсюль. Автоматически выбрасывается из башни после выстрела. Остальная часть заряда сгорает, – четко пояснил Батонич, сразу догадавшись, о чем речь. Интересно, кижеватовские ребята их все подобрали? Нежелательно оставлять фрицам подобную улику, могут и догадаться, что это такое, а это никому не нужно.

– Понятно. Лаврентий Павлович, у вас есть вопросы?

– Пока нет, товарищ Сталин.

– Тогда рассказывайте дальше, товарищ Бат. Теперь мы видим, какая это замечательная боевая машина... била. Но как же вам все-таки удалось разгромить в одном бою целую танковую дивизию?

– Ну, если уж честно, то боев было два, – хмыкнул Батонич. – Сначала мы случайно напоролась на танковую группу под командованием генерала Моделя. На которую перед этим, тоже случайно, наткнулись товарищи Гаврилов и Баранов, следовавшие в свою часть на трофейном бронетранспортере. Ну, мы им немножко и помогли.

– Нэмножко? – с хитрым выражением лица переспросил Сталин. – А мнэ дакладывали, что практически никто живым не ушел...

– Так получилось, товарищ Сталин, – тоже ухмыльнулся Бат, поддержав шутку. – Нужно же было товарищам помочь. Танкист танкиста в беде не бросит. А там уж как-то само пошло...

– А дальше?

– Дальше я сформировал экипаж из товарищей Гаврилова и Баранова, и, когда мы обкатывали машину, на нас вышел отряд лейтенанта Кижеватова. Который был, гм, предупрежден относительно меня и товарища Дубинина. От него я и узнал о немецком прорыве, который в течение ближайших суток грозил образованием Минского котла, в штабе корпуса пока еще ничего не известно. Вот мы и решили остановить немецкое наступление.

– Прямо тогда и рэшили? – прищурился Сталин.

– Ну... не совсем, – вынужден был признать полковник. – Просто... понимаете, во время нашего с вами телефонного разговора, ну того, когда мы вам про ядерную войну рассказали, мы не успели передать вам эту информацию. Вот и решили попытаться самостоятельно все исправить.

– Но ви же нэ могли знать, сумеете ли, гм, вовремя попасть в... прошлое?! – поразился собеседник, в очередной раз переглянувшись с наркомом внутренних дел. – Палучается, ви рэшили дэйствовать... наобум? Наудачу?

– Получается так, товарищ Сталин, – смущенно согласился Владимир Петрович, внезапно снова почувствовав себя проштрафившимся школьником перед очами грозного директора. В точности, как и тогда, когда Виссарионович решительно оборвал их с Виталей сбивчивые оправдания по телефону. А ведь действительно, ну кто им сказал, что очередной провал в прошлое обязательно произойдет? А если и произойдет, то перебросит их именно в нужное время? Да, в тот раз у них все получилось... но ведь могло и не получиться?

– Харашо, Владимир Пэтрович, я вас понял, – пришел на выручку Вождь, заметив состояние собеседника. – Рассказывайте дальше.

– Так точно, товарищ Сталин! – облегченно выдохнул Бат. – Дальше мы подобрали подходящую оборонительную позицию с узким дефилом, расположили и замаскировали бойцов, подготовили огневые точки для танка и стали ждать противника...

Рассказывал Батонич еще долго, почти час, периодически прерываясь, чтобы ответить на уточняющие вопросы, задаваемые Сталиным или Лаврентием Павловичем. Интересовались реакцией гитлеровцев на применение нового оружия, обстоятельствами пленения и гибели генерала Моделя, действиями пограничников и впервые воевавших на незнакомой боевой машине танкистов, тем, как укрывали танк от артиллерийского налета и авиаударов, как быстро пополняли боекомплект и так далее. В конце концов Бат заметно выдохся, что, естественно, не осталось незамеченным.

– Спасибо, товарищ полковник, мы с Лаврентием Павловичем узнали уже достаточно. Папейте воды, у вас совсем горло пересохло, даже голос охрип.

Дождавшись, пока Батонич напьется воды из графина, Сталин выложил перед собой две небольшие красные коробочки и неожиданно поднялся из-за стола:

– Товарищ Бат, за проявленный героизм и предотвращение окружения наших войск в районе Минска было принято решение представить вас с товарищем Дубининым к высокой правительственной награде, званию Героя Советского Союза.

Не ожидавший ничего подобного Владимир Петрович торопливо вскочил; Очкарик, хлопнув глазами, подорвался следом. Подойдя к Вождю, полковник вытянулся по стойке смирно. Раскрыв одну из коробочек, Иосиф Виссарионович собственноручно прикрепил на грудь Бата новенькую «Золотую Звезду» [15 - Авторы знают, что И. В. Сталин никогда никого не награждал лично. Но в данном произведении обстоятельства складываются по-другому.], крепко пожал руку:

– Поздравляю, товарищ полковник. Уверен, это не последняя ваша награда. А товарища Дубинина мы наградим немного попозже, когда он вернется.

– Служу Советскому Союзу, товарищ Сталин! Разрешите обратиться?

– Слушаю, товарищ Бат? – Иосиф Виссарионович слегка удивленно приподнял бровь.

– Товарищ Сталин, но мы ведь там не одни были...

– Разумеется, я об этом помню. Вместе с вами воевали... – Иосиф Виссарионович сделал короткую паузу, припоминая. – Сержант Гаврилов и красноармеец Баранов. Они уже награждены. Если мнэ нэ изменяет память... – Тут Вождь легонько хмыкнул, словно приглашая Бата оценить шутку «у товарища Сталина плохая память». – Гаврилов награжден орденом Красного Знамени с присвоением внеочередного звания младший лейтенант, а Баранов – Красной Звездой и званием старшины. Насколько я знаю, сэгодня утром ви с ними ужэ встречались.

– Но, товарищ Сталин, кроме танкистов там были пограничники под командованием лейтенанта Кижеватова!

– Но они праходят по другому ведомству, – слегка опешил от такого напора Сталин и повернулся к Берии. – Лаврентий?

– Лейтенант Кижеватов награжден орденом Красной Звезды! – немедленно ответил наркомвнудел.

– Так этот орден ему вручили еще за бои в Брестской крепости! – не унимался полковник. – А ведь бой под Слуцком – совсем другая история. Без отряда Кижеватова мы бы не справились! Сильно нам его ребята помогли. Считаю, не только сам Кижеватов, но и его бойцы достойны самых высоких наград!

– Товарищ Бэрия! – Сталин укоризненно, как показалось Бату, взглянул на наркома.

– Хорошо, мы рассмотрим это дело, – кивнул Лаврентий Павлович, делая в блокноте очередную пометку. – Там же присутствовал и лейтенант госбезопасности Лернер...

– Отличный мужик! – немедленно откликнулся Батонич. – Его тоже надо наградить!

– Хорошо, товарищ полковник, – скрывая улыбку, произнес Берия. – Мы примем решение в самое ближайшее время.

– Присаживайтесь, товарищи, – махнул рукой Вождь и, подавая пример, первым вернулся на свое место. – А сейчас мне бы хотелось продолжить наш разговор. У меня есть к вам еще несколько крайне важных вопросов. Не против, Владимир Пэтрович?

– Никак нет, товарищ Сталин.

– Нам бы хотелось узнать ваше мнение вот по какому вопросу. Ви нам передали достаточно большое количество различных материалов: новые уставы, чертежи новой техники и вооружения, как нашего, так и противника, а также наших союзников, – тут Сталин едва заметно усмехнулся, – материалы по новым технологиям, дипломатическую переписку, эти... как вы их называете, досье, на множество военных, инженеров, политиков, финансистов и многое-многое другое. И мы вам очень сильно благодарны за это. Но дело в том, что материалов очень много. И мы... как бы это сказать, немного в затруднении насчет того, что пустить в работу в первую очередь. Что принесет наибольшую пользу уже сейчас, в крайнем случае – завтра... а что может еще немного потерпеть. Ну хотя бы до того момента, пока мы не стабилизируем линию фронта и не сможем хотя бы на время выдохнуть...

– В первую очередь? – переспросил Батонич, задумавшись. На этот раз надолго, почти на целую минуту.

Сталин не тревожил, занимаясь своими делами. Сначала аккуратно выколотил из трубки остывший пепел и отложил ее в сторону, позволяя «отдохнуть». Затем достал из ящика стола запасную и принялся неторопливо ее набивать, распотрошив несколько папирос из картонной коробки «Герцеговины Флор».

– Знаете, товарищ Сталин, – решительно начал Бат. – Я, если честно, не слишком хорошо разбираюсь ни в экономике, ни в дипломатии, ни даже в технологиях, особенно невоенных... по этому поводу вам лучше с Виталькой было бы пообщаться. Он тут куда как глубже копал, а я – вояка, хотя и вроде как очень неплохой. Но вот с тем, что надо сделать в первую очередь, то есть сейчас, когда немец рвется вперед, я, вероятно, помочь смогу. Потому что... потому что самое главное сейчас – это новая тактика. Немецкие танки, самолеты,

артиллерия не очень-то и сильно превосходят даже наши устаревшие образцы. А новым типам – тем же «КВ» и «Т-34» – и вообще уступают. А бьют они нас за счет гораздо лучшей выучки, аж на два года войны лучшей... ну и новой, выработанной, опробованной и освоенной как раз в эти два года войны тактики. Но... – тут Бат хищно улыбнулся, – но мы-то вам передали новые уставы. Причем такие, в которых, в отличие от текущих немецких, опыт уже не двух, а четырех лет идущей войны. И не той, которую немцы вели в Европе, а куда более жестокой и масштабной, чем все, с чем они до сих пор сталкивались. Ой, как только они с нашей новой тактикой столкнутся – полетят от них клочки по закоулочкам. А еще... – Бат на мгновение запнулся и бросил на своего собеседника испытующий взгляд.

Тот поощряюще улыбнулся:

– Любопытно, товарищ Бат, весьма любопытно. Продолжайте, пожалуйста.

Поколебавшись несколько секунд, Владимир Петрович решился. Не, ну а что? Коль уж он попал сюда – и возвращать его обратно, судя по всему, никто не собирается – почему бы и нет? Не в тылу же сидеть, непонятно чего ожидая. В конце концов, он – боевой офицер, опытный командир, воевал. Немцы – противник, не сравнимый с юаровцами, конечно, но должен справиться.

– Иосиф Виссарионович, а выделите мне танковую бригаду! Так, чтобы полнокровную, да с новой техникой и средствами усиления? Я все ж таки Академию бронетанковых войск и Академию Генштаба окончил. Да и повоювать пришлось, хоть и в Африке, но все ж. Просторы там с нашими вполне сопоставимые. Сформирую согласно новым уставам, да и свой собственный опыт постараюсь, так сказать, творчески применить, подберу технику и людей. Да и навалю фрицам. Ну а вы поглядите, чего я стою. Всяко лучше пустых... то есть, простите, теоретических разговоров будет.

Сталин ухмыльнулся, на миг окутавшись сизым дымом из раскуренной трубки, и сообщил, будто нечто само собой разумеющееся:

– Дагаварились, Владимир Петрович! Будет вам бригада, и самая новая боевая техника, такая, какую сами выберете. Только вы уж меня не подведите, харашо?

– Хорошо... – ошарашенно пробормотал Бат, на миг ощутивший граничащее с паникой волнение. Что, вот так просто?! Он попросил – и ему дали?! С другой стороны, а чего он хотел? Это не привычные ему времена, когда Союз был вроде бы еще о-го-го как силен и в то же время вынужден действовать с оглядкой на реакцию долбаного, мать его, Запада. Здесь все просто. Любишь Родину? Готов за нее буйну голову сложить? Так вперед, чего ждешь! Вот тебе танки, вон противник – воюй. Доказывай. И показывай. А иначе незачем было и воздух сотрясать.

– То есть, простите, товарищ Сталин, ТАК ТОЧНО! Готов немедленно приступить к выполнению...

– Нэ нужно так спешить, таварищ полковник! – улыбнулся Вождь. – Кроме того, ви ведь ко мне прямо с фронта попали, отдохнете нэмного, в себя придете.

– Товарищ Сталин! – неожиданно подал голос успевший выпить две чашки кофе Очкарик. – А я в таком случае мог бы заняться средствами связи и управления. Я ведь тоже кадровый офицер, в «Буденовке» защищал диплом по теме «Системы связи и управления в сетецентрической войне».

– Где, прастите, защищали? – удивился Сталин, заинтересованно взглянув на молчавшего до сего момента Карикова.

– В Военной академии войск связи имени Маршала Советского Союза Семена Михайловича Буденного! – четко доложил тот.

– Гм, а что собой прэдставляет эта самая... сетецентрическая война?

– О, это очень интересная штука! – заулыбался Очкарик, почуяв возможность оседлать любимого конька. – При проведении сетецентрической операции все рода войск, средства связи и разведки, в том числе военные спутники и беспилотные летательные аппараты, объединяются в единую систему для постоянного обмена информацией. При такой организации рассеянные по большой территории боевые единицы могут постоянно получать в режиме реального времени новые данные о целях и действиях частей противника, а командование будет иметь реальную боевую картину. И подавить такую сеть очень сложно, поскольку информация поступает из множества источников, то есть даже при потере части систем разведки войска все равно не остаются

слепыми и глухими.

– Это очэнь... интэресно и пазнаватэльно, таварищ старший лэйтенант! – осторожно кивнул Иосиф Виссарионович. И продолжил, тщательно подбирая слова: – Но можно ли пастроить что-то подобное у нас, при отсутстви... гм... военных спутников и... бэспилотных лэтательных аппаратов?

– Ну... – теперь задумался уже Очкарик. – Думаю, можно, только, разумеется, попроще. Нужно подумать, прикинуть технические возможности. Главное, радиосвязь надежную наладить и штаты необходимые развернуть...

– Харашо, таварищ Кариков, вот и падумайте. Будим считать это вашим заданием. Рэзультаты прэдоставите таварищу полковнику. Кстати, таварищ Бат, насчет вашего прэдложения. Я так понял, ви сабираетесь лично подбирать матчасть для бригады? Самостоятельно заниматься приемкой новых машин?

– Так точно, товарищ Сталин, – твердо кивнул Батонич. – Считаю это наиболее оптимальным вариантом. Качество поступающих с заводов новых танков, мягко говоря, оставляет желать лучшего, особенно что касается трансмиссии и моторесурса, и мне не хотелось бы терять кучу времени и сил на их ремонт. Когда начнутся боевые действия, рембату и без того работы с головой хватит.

– Правильное рэшэние, – одобрил Вождь. – В таком случае, раз уж ви все равно сабираетесь лично посещать танкостроительные заводы, заодно и качество работ проверите. А если виявите случаи врэдительства, саботажа или прэступных нарушэний тэхнологического працесса, то и меры к исполнитэлям примете. Я наделю вас самыми широкими палнамочиями. Будите, так сказать, моим личным прэдставителем на мэстах.

– Вплоть до расстрелов виновных на месте? – не сдержавшись, улыбнулся Владимир Петрович.

И откровенно опешил, едва не отвесив челюсть, услышав ответ:

– Разумэется, но нэ больше дэсяти в день!

Внимательно прислушивающийся к разговору Очкарик сдавленно хрюкнул и закашлялся, не то с трудом подавив смех, не то от несказанного удивления. Лаврентий Павлович же подозрительно быстро отвернулся к окну, внезапно весьма чем-то там заинтересовавшись.

– Так... точно, товарищ Сталин... – шумно сглотнув, пробормотал Бат, откровенно говоря, так и не уяснив, пошутил Вождь или вовсе даже наоборот.

– Значит, дагаварились, – пряча в усы ухмылку, продолжил Иосиф Виссарионович. – Между прочим, относительно особых палнамочий я абсолютно серьезно. Соответствующий документ вы получите. Фронту очень нужны надежные, качественные танки. Согласны, Владимир Петрович?

– Разумеется, согласен, – уже спокойнее согласился полковник. – Сделаю все, что в моих силах. И что не в моих, тоже. Можете на меня положиться, товарищ Сталин.

– Очень на вас надеюсь, товарищ Бат. – Вождь легонько прихлопнул ладонью по столешнице. – Предлагаю пока с этим закончить, все необходимые подробности обсудим в другой раз. Вы еще не очень устали? Можит, хатите пообедать?

– Благодарю вас, товарищ Сталин, ничего не нужно, – бросив на Очкарика косой взгляд, ответил Батонич. Но на сей раз товарищ сидел молча, лишь изредка поглядывая на украшавшую гимнастерку командира неожиданную награду. Завидует, что ли? Ну, так за вчерашний бой он тоже наверняка что-нибудь получит, орден вряд ли, а вот медаль «За боевые заслуги», к примеру, вполне.

– Харашо, покушаете после нашего разговора. Тогда расскажите нам с товарищем Бэрия про тот танк, что вы нам привезли на этот раз. Насколько я понял, это какая-то глубокая модернизация «Т-34»? Можно коротко, остальное мы и сами увидим, когда поедем на полигон...

Глава 5

13 июля 1941 года, Берлин

То, что меня привезли куда-то на территорию рейха, я понял по слишком большому времени полета – с аэродрома, находящегося на границе с Польшей, у городка Бяла-Подляска, я летел на самолете, трехмоторном «Ю-52», часа три-четыре. Точнее сказать не могу, мой верный наручный хронометр «Касио Джишок» проклятые фашисты отобрали почти сразу, едва успев дотащить мое бесчувственное тело до временной штаб-квартиры абвер-команды, разместившейся в захваченном Кобрине.

После приземления на меня зачем-то напялили длинное драповое пальто, фетровую шляпу с широкими полями и посадили в автомобиль, стоящий прямо возле трапа, но я успел увидеть аэровокзал и сразу опознал Темпельхоф. В мое время он уже не функционировал, но характерное здание я запомнил по фоткам из Рунета. Значит, я в Берлине. Интересно... Видимо, я спалился по полной в качестве пришельца из будущего. Хотя я особо и не шифровался. А какой смысл, если при мне обнаружили паспорта и валюту несуществующих стран? Вот меня и решили предъявить высокому начальству. Другой причины для транспортировки в столицу вроде бы не было. Настораживали принятые меры конспирации. За каким чертом спрятали под пальто мою военную форму?

По городу ехали минут двадцать. Полюбоваться окрестностями не вышло: мешали совершенно глухие шторы на окнах и сидящие с обеих сторон от меня мордвороты, сопровождающие «ценный груз» от самого Кобрина. И привезли меня не в тюрьму или в какое-то госучреждение, а на частную квартиру. Здесь меня усадили на деревянный стул, где я с пользой (шутка!) провел время до вечера. Уже в сумерках (свет в квартире почему-то не зажигали) появился тот самый абверовец с грубым лицом потомственного алкоголика, который допрашивал меня в Кобрине, пытаюсь понять, что за птица очутилась вдруг в его руках.

Он вернул мне мой ремень и портупею (без кобуры!) и попросил застегнуть гимнастерку на все пуговицы. Потом на меня снова напялили пальто и шляпу, вывели из квартиры и посадили в автомобиль. На этот раз ехали всего минут пять. И снова какой-то жилой дом, частная квартира! Они меня от английских шпионов таким образом прячут или от собственных коллег из параллельных специальных служб?

В просторной прихожей нас встречал моложавый полковник, с идеальным пробором на голове. Взмахом руки отпустив всех сопровождающих, офицер

помог мне скинуть пальто и провел в богато обставленную гостеную.

– Прошу вас, проходите, присаживайтесь! – на приличном русском языке сказал хозяин квартиры и кивнул в направлении «мягкого уголка» – стоящих возле незажженного камина пухлых кожаных кресел.

Я немедленно плюхнулся в ближайшее и облегченно вытянул уставшие ноги в грязных сапогах, резко дисгармонирующих с антикварным восточным ковром на полу.

– Можете звать меня Рейнхард! – предельно мягким тоном, призванным, видимо, расположить меня к собеседнику, сказал полковник. По-русски он говорил почти без акцента. – Угощайтесь!

Рейнхард протянул sniffтер, на дне которого плескалась янтарная жидкость. Вот ведь немец-перец-колбаса! Мог бы хотя бы соточку налить, а тут... граммов тридцать, только губы намочить. Впрочем, у них в Гейропе коньяк «нормально» и не пьют! По правилам этикета его надо размазывать языком по нёбу, наслаждаясь букетом ощущений. Но я – человек простой и залпом махнул явно дорогой напиток, не обратив особого внимания на вкус и аромат.

– Анкор! – почему-то по-французски сказал я, протягивая полковнику опустевший бокал.

Тот, не изменившись в лице от моей наглости, набулькал еще из круглой бутылки, стоявшей рядом на низеньком столике с резными ножками. Набулькал как раз требуемые сто граммов. Вот теперь я неторопливо высосал коньяк сквозь сжатые зубы, почувствовав его вкус. Знакомый, надо сказать, вкус...

– Неужели армянский? – с усмешкой спросил я, протягивая бокал за новой порцией. – Уже наворовать успели?

– Э-э-э... нет! – снова никак внешне не проявив своего негодования моим хамским вопросом, полковник без возражений налил снова. – Это из довоенных запасов. Говорят, что это любимый...

– Любимый коньяк Черчилля? – бесцеремонно перебил я Рейнхарда. – Да, есть такая легенда... Вот только мне казалось, что возникла она уже после войны...

– Какой войны? – быстро спросил полковник, глядя мне прямо в глаза.

– Известно какой – Второй мировой! – открыто усмехнулся я, потягивая по-настоящему ароматный армянский коньяк. Первые дозы уже подействовали – меня наконец-то ОТПУСТИЛО. – Правда, у нас ее называют Великой Отечественной войной, что носит глубокий сакральный смысл.

– Если я верно помню, Отечественной войной у вас называли войну с Наполеоном? – блеснул эрудицией полковник, по-прежнему пристально глядя мне в глаза. Реакцию отслеживает, психолог доморощенный...

– Та была просто Отечественной! А эта – Великая! – пояснил я, поудобнее разваливаясь в кресле. – Но смысл – общий. Против завоевателей встало ВСЕ население нашей страны. Ни на фронте, ни в тылу для мерзких гадов не было покоя.

Рейнхард медленно кивнул, показывая, что принял информацию к сведению. Затем, покусывая губу, помолчал пару минут, готовясь, вероятно, к САМОМУ ГЛАВНОМУ вопросу. Молчал и я, внимательно разглядывая собеседника. Хм, морда-то у него знакомая! В смысле – не лично мне, а виденная в Рунете, когда я копал там материалы для Вождя. Узкий подбородок, немного торчащие уши, возраст около сорока лет... Так вот ты какой, северный олень!

– Рейнхард, значит... – сказал я. – Вы, скорее всего, Рейнхард Гелен, руководитель группы в Оперативном отделе Генштаба сухопутных войск. Или вас уже назначили начальником 12-го отдела Генштаба «Иностранные армии Востока», который занимается оперативной разведкой на советско-германском фронте? Простите, дату назначения я запомнил... После нашей победы вы сбежите на Запад и будете двадцать лет лизать жопу американцам.

Полковник, как раз в этот момент отпивающий из sniffлера, поперхнулся коньяком, пролив часть жидкости себе на бріджи. Стало быть, я угадал. К чести разведчика, он довольно быстро взял себя в руки. Вытерев руки и штанину белоснежным платком, Гелен посмотрел на меня с новым интересом.

– Значит, вы утверждаете, что прибыли к нам из... будущего? – тихо спросил Рейнхард.

– Боже упаси! – рассмеялся я. – Разве я что-нибудь утверждал?

– Но вы же постоянно говорите о гипотетических событиях в прошедшем времени! – воскликнул полковник, не выдержав откровенной подколки.

– Шучу я так! – продолжая нагло улыбаться фашисту прямо в лицо, сказал я. – И уже вы сами выбираете: верить моим словам или нет. Не поверите – замечательно! Будете жить своим умом, история пойдет по накатанной колее. Красная Армия через годик, подтянув резервы, раскатает остатки Вермахта танковыми траками по берлинской брусчатке. Уцелевших господ из руководства рейха повесят в Нюрнберге по решению Международного трибунала, заправлять в котором, кстати, будут те самые евреи, которых вы сейчас так гнобите. Из Германии вывезут ВСЁ, что можно открутить и погрузить в вагоны, а за что нельзя – вы будете платить, и платить, и платить, да еще и благодарить за то, что вам оставили хоть что-то. Потомки сегодняшних солдат группы армий «Центр», шагающих сейчас по Украине, будут всю жизнь каяться за грехи отцов. А чтобы их покаяние выглядело правдивым – пустят к себе в страну миллионы турок, арабов, негров. И уже детишки «покаявшихся» пустятся во все тяжкие – в Гейропе начнут процветать гомосексуализм и наркомания, нация практически выродится. Настолько выродится, что, когда те самые «гости» из Африки и Ближнего Востока начнут в рождественскую ночь насиловать немки у Кёльнского собора, немецкие мужчины побоятся вмешаться. А ваша канцлерин выступит потом с обличением... самих немецких женщин: за то, что они «спровоцировали» несчастных мигрантов своей «вызывающей» одеждой – не надели паранджу. В итоге немцев загонят в резервации, где они тихо вымрут...

Я замолчал, давая немцу переварить услышанное. Гелен явно пребывал в глубоком шоке от моих слов. В принципе он, хоть и числился разведчиком, никогда не работал в поле, являясь скорее штабным аналитиком, а не агентом. И поэтому с большим трудом мог реагировать на быстро меняющуюся обстановку. И уж тем более – на массивный вброс бредовой информации.

– А лично вы, Рейнхард, переходя ночью швейцарскую границу, будете вспоминать наш сегодняшний разговор... – добавил я и, залпом допив коньяк, откинулся в кресле.

Гелен, не глядя, протянул руку, на ощупь нашел бутылку и, налив себе полный бокал, высосал его маленькими глоточками, словно теплое молочко. Эк, как немчуру вштырило, любо-дорого посмотреть! Ай да я, ловко набросил говна на вентилятор! Ну, пусть еще мозгами поскрипит, это полезно...

- Вы лжете!!! - тихим напряженным голосом сказал полковник минуты через четыре. - Ничего этого не может быть!!!

- А ничего этого еще и не было! - усмехнулся я. И добавил после небольшой паузы: - От вас зависит - случится это или нет!

- Доказательства, мне нужны доказательства! - скорее себе, чем мне, проговорил Гелен.

- Доказательства? - хмыкнул я. - Ну, вы ведь изъяли у меня смартфон, а там сотни документов и десятки видеозаписей.

- В этой маленькой коробочке? - поразился немец.

- Это ведь техника из двадцать первого века, Рейнхард! - ухмыльнулся я. - При желании я мог бы напихать на пару порядков больше, просто потребности не было. Для нормального просмотра документов и видео у меня есть другое устройство - планшет. Там и экран в три раза больше.

- У вас был еще один прибор? - немедленно сделал стойку разведчик. - И где он?

- В тайнике, который я сделал в окрестностях Слуцка, - небрежно отмахнулся я, словно данная тема меня не интересует. На самом деле никакого планшета я с собой в последний поход не брал. Но всегда полезно иметь хоть какую-то причину для поездки к линии фронта. А там, на месте... могут возникнуть разные обстоятельства...

Гелен молча кивнул, видимо, сделав себе зарубку в памяти. Потом нарочито неторопливо встал, прошел в угол го?стенной, открыл шкаф и достал из него некое устройство размером примерно со средний чемоданчик. И только когда полковник поставил сие чудо технической мысли на кофейный столик возле камина, я увидел, что сверху присобачен мой «Самсунг». Старый, который я

всюду таскал с собой со времени первого попадания. Именно в качестве телефона он стал для меня бесполезен, уже при втором попадании не смог найти Сети. Видимо, частоты или протоколы были другими. Но я таскал аппарат с собой, потому что только на нем остались следы той моей, самой первой жизни, которую я помнил лучше всего – фото, видео, книги... Остальная часть устройства представляла собой, вероятно, аккумулятор и трансформатор. Похоже, что батарейка на смарте окончательно села, и немцы попытались, используя доступные им средства, создать для нее заменитель. И откуда они необходимые параметры узнали? Ах да, на самой батарейке все написано!

– Покажите! – кивнул на смартфон полковник, нетерпеливо притоптывая ногой.

– Ладно! – покладисто согласился я, придвигаясь к столику.

Так, пробуем включить... Вроде бы работает – зажегся экран, запрос пароля. Ввожу... Отлично, заработал! Так, первым делом снесем всю текстовую часть – скачанные книги, сохраненные статьи с сайтов и так далее. На хрен! А то еще раскопают чего-нибудь вредного... Или полезного – это с какой стороны посмотреть... Я, к примеру, целый цикл статей скачал, в которых сравнивалась наша и амеровская атомная промышленность. Поржал тогда изрядно над тем, как автор описывал мучения пиндосов со своими центрифугами... Ладно, чем бы его с ходу оглушить, чтобы проняло до печенок? Показать сканы документов? У меня есть интересные, о послевоенном разделе Германии... Нет, пожалуй, надо что-то более эффектное. Покажу-ка я ему видео, где несколько арабов пристают к белобрысой девке. На заднем плане хорошо видны Бранденбургские ворота. А на закуску – скверная по качеству запись той самой рождественской «вечеринки» в Кёльне. Собор там хоть и слабо, но различим, а действующие лица на переднем плане практически не видны, только непонятная движуха в толпе. Зато отлично слышны женские крики о помощи и ответные выкрики на арабском.

– Вот, смотрите, Рейнхард!

Гелен замороженно уставился на экран. И смотрел не отрываясь, под конец начав бормотать что-то себе под нос. Я прислушался – он шептал: «Этого не может быть! Этого не может быть!» Когда записи закончились, полковник почти пять минут сидел, пялясь на пустой экран невидящими глазами. Вставило его нипадеццки. Я не мешал фашисту охреневать – пока он был «занят», торопливо стирал из памяти смартфона десятки книг, которые немцам лучше не видеть.

Наконец разведчик перевел взгляд на меня.

– Этого не может быть! – очень тихо, но вполне отчетливо произнес немец. – Это же Берлин и Кёльн, что там делают эти... люди?

– Долгая история, Рейнхард! – без улыбки сказал я. – Вас, немцев, после войны так капитально американцы нагнули, что к двадцать первому веку ваши мужчины превратились в бессловесных амёб. И, когда с юго-востока хлынул поток так называемых «беженцев», им некому стало дать отпор.

Я специально сгущал краски и смещал акценты, но ведь, по сути, говорил правду?

– А вы? – слегка окрепшим голосом (все-таки он быстро взял себя в руки) спросил Гелен.

– Что, мы?

– Что с нами сделали вы, русские? – прищурил глаза, словно прицеливаясь, полковник.

– Ничего... – вздохнул я. – Русские вообще отходчивые... Вы, немцы, творили на нашей родной земле ужасные вещи, убили миллионы советских людей, в основном мирных жителей, грабили наше хозяйство, вплоть до вывоза чернозема с полей, опустошили, как саранча, всю оккупированную часть страны... В ответ мы должны были вырезать ВСЬ ваш народ, потому как все немцы поддерживали своего бесноватого фюрера, сжечь все города и поселки, засыпать Германию полуметровым слоем соли, чтобы тут еще тысячу лет ничего не росло, но... Русские солдаты, у многих из которых немцы убили всю семью и которые имели все основания для мести, не потеряли свое человеческое достоинство и не устроили в Германии кровавую баню. Мало того – кормили немецкое население в самые трудные месяцы после победы. А американцы, которых немцы лично никак не трогали, ведь война шла в тысячах километров от их дома, просто измывались над немцами, как над гражданскими, так и над военнопленными.

– Так я не понял: кто нас победил? Вы или американцы? – уточнил Гелен.

– Американцы вступили в войну только в 1944 году, когда советско-германский фронт проходил по Одере[16 - Виталий Дубинин нарочно называет не номинальную дату вступления США в войну против Германии, а номинальное начало широкомасштабных боевых действиях на континенте (прим. авторов).]. На западе, где они высадились, не было ни одного боеспособного немецкого подразделения. Но после победы господ из-за океана потребовали свою долю пирога. Германия была разделена на две зоны оккупации. Последствия управления американцами своей частью вы видите.

– А у вас, в вашей... зоне оккупации? – нетерпеливо спросил Гелен, нагнувшись ко мне всем телом.

– Уже через пару лет после победы на временно оккупированных Красной Армией территориях было образовано независимое государство – Германская Демократическая Республика, ГДР. Правительство выбрали на основе всеобщих демократических выборов, поэтому там не только коммунисты заседали. Кстати, лет через двадцать армия ГДР стала самым верным и умелым союзником Красной Армии. Вот, взгляните...

Был у меня на смартфоне десятиминутный ролик, нарезка из кадров, снятых на грандиозных учениях «Запад-81»[17 - «Запад-81» – кодовое название оперативно-стратегических учений армии и флота СССР и стран Варшавского договора, проходивших с 4 по 12 сентября 1981 года на территории Белорусского, Киевского и Прибалтийского военных округов, а также в акватории Балтийского моря. Помимо Советского Союза учения проводились также на территории нескольких дружественных государств. Являются одними из крупнейших оперативно-стратегических учений в истории советских Вооруженных сил. По своим масштабам сопоставимы лишь с крупными операциями времен Великой Отечественной войны.]. В них принимали участие не только советские войска трех военных округов, но и армии стран – участниц Варшавского договора. Только поляков не пригласили – их-то, в общем, этими учениями и хотели запугать: как раз тогда в Польше были волнения, инспирированные ЦРУ. И полковник-разведчик не мог не заметить, что на некоторых танках и бронетранспортерах отчетливо видны опознавательные знаки в виде трехцветных, черно-красно-желтых щитков, а у части офицеров, мелькающих перед камерой, витые погоны.

Заканчивался ролик впечатляющей панорамой – самолет, с которого велась съемка, минуты три летел над бескрайними полями, заполненными тысячами

танков и БМП. Пролет сопровождался великолепной песней «Армия народа». Меня в свое время этот мини-фильм очень впечатлил.

Не оставил он равнодушным и Гелена.

- Да, я видел... - негромко и задумчиво сказал полковник. - Я видел, как немецкие солдаты и танки действовали в одном строю с вашей армией. Неужели мы можем быть союзниками?

- От вас зависит... - пожал я плечами.

- И еще я обратил внимание, что ваши солдаты и офицеры имеют на плечах... погоны!

- Их вернут через год, в ознаменование побед на фронте и в память о традициях русской армии.

- Понятно... - кивнул Гелен. - А есть у вас что-то еще... про армию?

- Конечно! - улыбнулся я.

И я запустил скачанный когда-то давным-давно на «Ю-Тьюбе» клип с записью военного парада, состоявшегося 7 ноября 1984 года на Красной площади. Тогда армия великой страны была на самом пике могущества и не стеснялась демонстрировать свою мощь. Видеоряд сопровождался «советским маршем» из компьютерной игры «Ред Алерт»: «Наш Советский Союз покарает весь мир...»[18 - Собственно текст этого так называемого «советского марша» (автор музыки - Джеймс Ханниган) - практически бессмысленный набор русских слов. В припеве есть такая строчка: «Над землей везде будут петь «Столица, водка, советский медведь наш» - полный бред! Создатели игры изначально ориентировались на западных пользователей, поэтому достоверностью себя не утруждали. Но музыка получилась довольно интересной (прим. авторов).] Там было на что посмотреть - десятки тысяч солдат и офицеров в щеголеватой форме, шагающих в ровных батальонных «коробках», сотни единиц техники, танков, самоходок, бронетранспортеров, ракетных тягачей.

И сразу за ним – клип с парадом на семидесятилетний юбилей Победы. Интересно было сравнить два этих парада. Да, при советской власти парады были многочисленней как по личному составу, так и по технике. Но любому военному профессионалу сразу бросалось в глаза – форма солдат, оружие и боевая техника XXI века смотрятся более... устрашающими, что ли...

Просмотры видеозаписей и фотографий затянулись до позднего вечера. Особенно Гелена поразили совершенно простые ролики, снятые видеорегистратором на Московской кольцевой дороге и на Третьем транспортном кольце, там, где оно проходит через «Москву-сити». Ну, это мне они казались простыми, я их сохранил-то только из-за каких-то смешных перестроений «коллег по несчастью». А немец видел тысячи автомобилей, полностью заполнивших восемь полос широкой проезжей части, и гигантские торговые центры на обочинах. И почему-то его сильно удивил клип, снятый с квадрокоптера над огромным ледовым катком, который каждой зимой заливается на ВДНХ, а еще банальные кадры пьянки, которые я снял на встрече с однокашниками, проходившей в любимом пивном ресторане на Покровке. Нет, остальные видеоролики его тоже неплохо торкнули – и военная техника, и реактивные самолеты, и старт «Союза» с Байконура... но вот такие, как бы это сказать, бытовые приметы обычной жизни будущего СССР (я ж не стал уточнять когда и в какой стране это было снято) буквально ввергли его в шок.

Изрядно обалдевший от всего увиденного полковник Гелен вежливо попрощался и отбыл, переваривать информацию. Со мной в квартире остались два парня в штатском, один из которых засел в прихожей, держа на коленях «артиллерийский» вариант «Парабеллума» с удлиненным стволом. Второй, обращая ко мне предельно вежливо, объяснил на ломаном, но вполне понятном русском языке: где находится ванная комната, как включить горячую воду (тут оказался угольный водонагреватель! По сути – печка с котлом, и это в центре Берлина!), где взять чистую одежду и белье, и в какой комнате можно преклонить гудящую от усталости голову.

Помывшись первый раз с момента пленения (а это целых три дня!), я надел синие сатиновые трусы и белую майку. И то и другое – явно солдатское белье, но чистое и ненадеванное. Потом проверил, куда выходят окна. Оказалось, что дом стоит фасадом к Тиргартенскому парку – то есть в окна никто заглянуть не мог. Мало того, во всех проемах оказались установлены решетки с толстыми прутьями.

Убедившись, что немедленно сбежать из конспиративной квартиры будет затруднительно, я прилег на узкую деревянную кровать, сразу утонув в сверхмягкой пуховой перине. Поразмышляв на тему: самоубиться или попытаться сбежать, я незаметно уснул. После того как на горизонте замаячил второй вариант, самоубийство казалось мне предательством по отношению к Батоничу. Он-то наверняка уже всю воюет... К тому же я не был уверен, что, откусив себе язык и вскрыв вены осколком стекла, я уйду «на перезагрузку». Ведь все предыдущие «возвращения» в будущее происходили помимо моего желания, в бою.

Глава 6

13 июля 1941 года, Москва

За прошедшие сутки Батонич еще несколько раз встречался со Сталиным. Дважды при этом присутствовал нынешний нарком обороны маршал Тимошенко, пока еще не догадывающийся, что занимать этот пост ему остается меньше недели[19 - С 19 июля 1941 года последним народным комиссаром обороны стал И. В. Сталин; одновременно Ставка Главного Командования РККА была реорганизована в Ставку Верховного Главнокомандования. До сентября С. К. Тимошенко оставался заместителем наркома обороны, одновременно занимая должность командующего войсками Западного фронта.]. Семен Константинович оказался вполне нормальным мужиком, хоть в первый раз и не знал, как себя вести в присутствии незнакомого полковника АБТВ, которого САМ представил в качестве личного консультанта. На встречах в основном оговаривались технические детали, пока, впрочем, без особых подробностей, как выразился Вождь, «ви, товарищ полковник, тепэрь сами рэшайте, что да как. А ми - вам всецело паможем». Владимир Петрович, впрочем, и не спорил. Сам так сам. Впервой, что ли? Не верил бы в свои силы - не стал и предлагать.

Очкарик, к слову, как и обещал, за пару дней набросал примерную схему «сетецентрической войны» в применении к нынешним реалиям. Правда, с оними реалиями он главным образом ознакомился за эти же самые дни, после чего оптимизма у него заметно поубавилось. Очень заметно. Всерьез историей, в частности технической оснащенностью РККА образца сорок первого года,

Кариков никогда не интересовался. И потому реальная ситуация с радиосвязью в действующих войсках оказалась для него тяжелым ударом: ну, не ожидал человек, что все так... сложно. Не катастрофично с сугубо технической стороны, а именно СЛОЖНО. Поскольку то, что сейчас происходит, – это просто кошмар. Не зря ведь легендарный командарм, регулярно входящий в сталинский кабинет, некогда сказал: «Сильна Красная Армия, но связь ее погубит»[20 - Фраза приписывается маршалу С. М. Буденному.]. Нет, дело было вовсе не в том, что в войсках не имелось радиостанций. Пусть плохонькие и большей частью устаревшие, практически без запчастей, но они все-таки были. Проблема – или даже так – ПРОБЛЕМА – крылась в том, что ими не умели нормально пользоваться. Причем практически на всех уровнях. Не умели грамотно шифровать сообщения, не изучали принципы радиоразведки и радиоборьбы, не обучались кодированию и декодированию. И, что самое неприятное, предвоенный генералитет – между прочим, вопреки прямому приказу Сталина «Об улучшении работы связи в РККА»! – упорно не желал ничему этому учиться. Ни к чему хорошему это, разумеется, привести не могло – и не приводило, увы! Передаваемые в действующие войска сообщения большей частью шли открытым текстом (либо с примитивной кодировкой с использованием кодовых слов в духе танк – «коробочка» и так далее), чем с удовольствием пользовались гитлеровцы. Порой даже отдавая советским войскам приказы, которые те выполняли, не подозревая подвоха...

Батонич, прекрасно уяснивший причину подавленного состояния младшего товарища, сообщил, что ничего столь уж катастрофического он во всем этом ровным счетом не усматривает. И работать Борис все равно будет по специальности, занимаясь вопросами как раз-таки связи. Как проводной, так и радио. С упором на последнюю, разумеется. Обучать, налаживать, контролировать выполнение, разъяснять важность. А уж там, глядишь, и присланные Дубининым документы в полную силу заработают, и до спутников останется совсем недалеко... ну или хотя бы до беспилотников, благо с чисто технической точки зрения ничего особенно сложного в их производстве нет. Да и вообще, один раз гитлеровцев уже разбили, а сейчас и тем более разгромим. Вот только с нормально организованной связью это выйдет быстрее и эффективнее. Успокоил, одним словом...

Что же до формируемой танковой бригады, то Батонич в принципе вовсе не собирался тупо копировать структуру танкового полка образца шестидесятых-семидесятых годов. Какой смысл? Танки-то ладно, этим добром его Сталин обеспечит, и «КВ», и «тридцатьчетверками». Причем скорее первыми, поскольку Владимир Петрович все больше и больше склонялся к идее создания именно

тяжелой ТБр. А вот с остальным сразу же возникали проблемы. Где, к примеру, брать положенные по штату бэтээры? Местными броневиками замещать, которые скорее легкие колесные танки с унифицированной с гусеничными собратями башней? А на фига? На фига, если внутрь больше четырех человек все равно не запихнешь? В качестве разведывательных или штабных машин еще сойдут, но и не более. Даже если снять в качестве паллиативной меры башню, объем боевого отделения от этого никак не изменится и транспортером пехоты машина при этом не станет.

Вот если бы установить на трехосную базу «ГАЗ-ААА» или «ЗиС-6» открытую сверху бронекоробку по типу «БТР-152»... а что, отличная мысль! И вполне осуществимая: в реальности его ведь практически сразу после войны и построили. База сейчас, правда, другая, пожиже, так что семнадцать бойцов внутрь вряд ли удастся запихнуть, но ему и одного отделения хватит. Учитывая, что ничего подобного в РККА вообще нет, даже десяти-двенадцатиместный БТР окажется просто революционным прорывом. Хорошо, запомним. Тем более в Виталькиных документах соответствующие чертежи имеются, это он точно знает. Вот пусть КБ того же Ижорского завода и подгонит корпус «сто пятьдесят второго» под существующее шасси – если отнесутся со всей серьезностью, за две недели справятся. Грузовики фронту, конечно, нужны как воздух, но ему много и не требуется, достаточно и опытной партии из двух десятков бронемашин. Все равно производство «БА» в этом году свернут, если уже не свернули – вот и шасси освободятся. Плюс прибывающие на завод для ремонта броневика. Все, решено! Когда доберется до Ленинграда, озадачит местных конструкторов – с его-то полномочиями это не проблема.

А зенитное прикрытие? Способных идти на марше наравне с танками «Шилок» и «Стрел-10» нет и не предвидится. Наиболее близкий аналог – обычные грузовики с пушками или пулеметами в кузовах. Равно как не имеется и самоходных гаубиц. Собственно говоря, у Красной Армии САУ вообще отсутствуют как класс. Не нашлось им места в военной доктрине РККА – в отличие от тех же фрицев. Ну если, конечно, не считать таковыми «КВ-2», которые с натяжкой все же можно отнести именно к САУ, а не к танкам. А что? Между прочим, вполне неплохой вариант – проблем с обслуживанием и ремонтом не будет, поскольку ходовая такая же, что у линейных «КВ». Вес, правда, великоват, больше пятидесяти тонн, не каждый мост выдержит. Зато вооружение впечатляющее, 152-мм гаубица «М-10Т» – однозначно вещь! Лишь бы с боеприпасами проблем не было, много снарядов в башне не повозишь. Хоть фрицы, помнится, на своих трофейных «Pz.Kpfw KV-2?754 (r)»[21 - Немецкое название захваченных в качестве трофеев танков «КВ-2». Буква «r» означает «русский».] приваривали к

кормовому бронелисту короб еще для двух десятков запасных выстрелов. Учитывая же, что построили их больше двух сотен, окончательно сняв с производства только этим летом, вполне можно сформировать полноценный самоходный артдивизион. А не срастется с «КВ-2» (иди знай, сколько их в наличии имеется, не с фронта же отводить), самоходные гаубицы можно без особой проблемы заменить обычными пушками, главное, чтобы имелось, чем их тягать. Поскольку гужевого транспорт – это, конечно, здорово, против коняшек Владимир Петрович ничего не имел, животные полезные и грациозные... но желательно не в этот раз и не во вверенном ему подразделении! Потому только гусеничные тягачи и грузовики в качестве транспортеров боеприпасов!

Да и с зенитным прикрытием тоже можно будет что-нибудь придумать. В конце концов, крупнокалиберный «ДШК» в варианте спаренной или даже строенной установки – вполне себе серьезное оружие против низколетящих целей, тех же пикирующих «Ю-87». Плюс 37-мм скорострельные автоматы «61-К». Эх, ему бы еще установленные в кузовах полуторок или «Захаров» 25-мм спарочки «72-К»! Вот только, если память не подводит, их пока в армии или совсем нет, или почти нет – массовое производство этого отличного автомата наладили вроде бы только ко второй половине войны. Или нет? Нужно будет прозондировать почву, глядишь, и найдут в виде исключения хоть полдесятка.

А вот с инженерно-саперной ротой определенно сложнее... Батонич не считал себя таким уж большим знатоком местных БТТ, но вроде бы единственной инженерной спецмашиной РККА был мостоукладчик на базе «Т-28», произведенный в количестве не более восьми штук. Да и те еще перед войной передали в КОВО[22 - Согласно найденным авторами данным, судьба столь нужной РККА инженерной машины, как мостоукладчик «ИТ-28», оказалась весьма печальной. Успешно пройдя государственные испытания в 1940 году, «ИТ-28» был принят на вооружение... и в этом же году его производство было прекращено вместе с танком «Т-28». По разным данным, всего успели произвести от одной до восьми машин; все они были переданы в Киевский ВО. Предполагалось, что на смену «ИТ-28» придет аналогичный мостоукладчик на базе танка «КВ», однако разработать его до начала войны так и не успели. На данный момент в мире не сохранилось ни одного экземпляра этой машины.]. О путепрокладчиках, землеройных и инженерных машинах разграбления в этом времени и вовсе слыхом не слыхивали. Скорее всего, об этом не говорилось даже в переданных Виталей документах, поскольку первый серийный советский гусеничный мостоукладчик в мире Бата построили уже много позже войны на базе линейного танка «Т-54». Так что придется товарищам саперам по старинке работать, лопатами да топорами...

В итоге Батонич решил сформировать что-то вроде тяжелой танковой бригады второй половины Великой Отечественной, но с некоторыми привычными ему особенностями. И самое главное – полностью моторизованной, на все сто процентов оснащенной транспортом, благо в том, что Сталин не будет против, он был абсолютно убежден. В конце концов, пора учиться воевать согласно реалиям современной маневренной войны. И другим пример подавать, поскольку неповоротливые и скверно управляемые мехкорпуса уже благополучно доказали низкую боевую эффективность. А Очкарик со своей «сетцентрической войной» подождет. Пускай сначала научится организовывать бесперебойную радиосвязь в войсках на уровне местных технологий, а уж там поглядим, что дальше. А заодно и службу РЭБ создаст, что вполне осуществимо даже в этом времени и на существующей технологической базе.

Почему именно тяжелой ТБр? Сложный вопрос. С одной стороны, «КВ» не могут похвастаться ни особой маневренностью, ни скоростью, да и техническая надежность у них, прямо скажем, так себе. С другой – этим бронированным монстрам практически не страшна ни одна немецкая противотанковая пушка образца сорок первого (да и сорок второго) года. Ну, разве что гусеницу разобьют. А тех самых знаменитых 88-мм «FlaK 18/36/37», о которых так сильно любят упоминать всезнающие «диванные историки», во-первых, на Восточном фронте совсем немного, во-вторых, используются они пока исключительно по прямому назначению, то есть в качестве собственно зенитных орудий. Башенные же пушки фрицевских панцеров «КВ» не опасны вовсе, ни с какой дистанции. А от гаубичного фугасного снаряда, решив немцы выкатить их – гаубицы в смысле, а не снаряды – на прямую наводку, как порой делали при встрече с русскими тяжелыми танками, никакая броня все равно не спасет.

Однако «переспав» со своей идеей ночь, Владимир Петрович решил все же не отказываться от «тридцатьчетверок». Прежде всего потому, что так и не сумел придумать (не столько для Сталина, сколько для самого себя) четкой аргументации, отчего он, собственно, должен от них отказываться. Проблемы с трансмиссией и сложность с коробкой передач, из-за чего мехводы зачастую шли в бой только на второй скорости, регулируя скорость газом и гробя движки? Низкий моторесурс дизеля и ходовой? Плохая вентиляция в боевом отделении и хреновый обзор с места командира? Так и у «КВ» те же самые проблемы, если даже не более выраженные. Зато вооружение вполне сопоставимое, а у «Т-34» выпуска первой половины сорок первого, на которые уже устанавливают «Ф-34», – так даже и помощнее. Зато скорость и маневренность всяко выше при меньшей массе – иди знай, где и с кем его бригаде придется воевать. В

определенной ситуации последнее может оказать решающее значение для победы.

В его времени было куда как проще: ни тебе средних танков, ни тяжелых. Есть понятие «основной боевой танк» – вот на нем и воюй. Ну, в смысле на танке воюй, а не на понятии, разумеется. Масса как у среднего, броня и вооружение – как у тяжелого. Эх, ему б сейчас сотню привычных «Т-62», на которых он по африканским саваннам рассекал, вот бы шороху фрицам наделал! Гонял бы того самого «Быстроногого Гейнца», словно таракана по кухне! Как продвинутые европейские панцеры от попаданий 125-мм осколочно-фугасных снарядов ключьями разлетаются, он недавно уже посмотрелся, а первая в мире гладкоствольная стопятнадцатимиллиметровка «шестьдесят второго» не особо и слабее. Но чего нет – того нет. За неимением гербовой, как говорится...

Решительно отбросив несвоевременные воспоминания, Батонич вернулся к актуальным размышлениям. Итак, решено, «тридцатьчетверки» тоже берем. Итого на бригаду формируем три батальона: два тяжелых танков, один средних. Всего девяносто машин, по три десятка на батальон. Легкие танки? Ох, да он бы с превеликой радостью от этого геморроя отказался, но нужно же чем-то замещать БМП, хотя бы в качестве разведки? Броневики – это, конечно, здорово, но колесная техника образца сороковых годов прошлого (для Бата, конечно) века не везде пройдет.

Ладно, введем в штат еще и роту легких танков в качестве разведывательных, дозорных и машин связи. Что там у нас в наличии? «Т-26» сразу отпадает, медленный он, да и вообще морально устарел, британский родственничек. С плавающими «Т-40» связываться тоже как-то не хочется, а вот «шестидесятый» разработки того же Астрова Бата бы вполне устроил. Шустрый, легкий и совсем небольшой по габаритам, при его низком профиле в любых кустах затаится. Вот только одна небольшая проблема: его лишь в начале осени на вооружение примут. Потребовать от Николая Александровича[23 - Николай Александрович Астров – ведущий разработчик советских легких танков предвоенного и военного периода. Руководил созданием танков «Т-38», «Т-40», «Т-60», «Т-70», «Т-80» и многих других, в том числе знаменитой и самой массовой советской самоходки «СУ-76М». После войны участвовал в создании авиадесантных САУ, зенитной самоходной установки «ЗСУ-23-4» «Шилка» и других боевых машин и гусеничных шасси под них. Автор двадцати пяти типов боевых машин.] ускорить ходовые испытания? Да ни в коем случае! Ни в коем случае! Наоборот, нужно убедить его перестать наконец возиться с легкими танками, а освободившиеся

мощности поскорее бросить на разработку и производство «СУ-76». Перескочить, так сказать, через «Т-70», который послужил ей базой. Поскольку появление этой отличной самоходки в конце сорок первого – начале сорок второго здорово поможет на фронте. Очень здорово поможет, ведь до появления «Тигров» и «Пантер» грабинская «ЗиС-3» способна выносить все типы немецких танков даже с максимальной дистанции! А производимые огромными количествами легкие танки? Их время ушло... по большому счету так и не наступив. Фронту нужны нормальные танки – «тридцатьчетверки», «КВ», «ИСы». Потому и незачем тратить сотни тысяч тонн стали и тысячи человеко-часов на легкобронированные машины. Да и дефицитные газовские двигатели для грузовиков пригодятся, они на фронте как бы не нужнее танков. Ну, или для тех же самых будущих бронетранспортеров, о которых он уже размышлял.

А танки для его разведроты? Да возьмет самые обычные линейные «БТ-7» – и всех делов! Машины быстрые, достаточно проходимые и, главное, отлично знакомые танкистам. Этого добра, насколько он понимает, пока еще хватает. Вот ими и укомплектует роту легких танков. А что броня слабенькая и движок огнеопасный? Так им в лобовые атаки на фрицевские панцеры и не ходить, во встречных боях не участвовать. Справятся... Можно подумать, привычные Батону чу БРМ[24 - БРМ – боевая разведывательная машина. Как правило, создается на базе линейных БМП или бронетранспортеров.] против танков катят, угу...

Устало потянувшись, Владимир Петрович отложил в сторону исписанный короткими замечаниями блокнот производства местной бумажной фабрики и шариковую ручку из будущего. Все, на сегодня довольно, спать тоже иногда нужно. Когда помоложе был, порой и по несколько суток без сна приходилось обходиться. Но годы, заразы, берут свое. Ну да ничего, вот повоюет напоследок, навешает еврогейцам люлей, изменит историю – и можно на покой.

Раздевшись до пояса, Батонич с удовольствием умылся, почистил зубы – местный зубной порошок после привычной пасты все еще казался экзотикой, но терпеть можно – и вернулся обратно в комнату. Разместили их с Очкариком прямо-таки роскошно. Каждому выделили по отдельному помещению из двух комнат (рабочий кабинет и спальня) плюс здоровенный, как принято в этом времени, санузел. Ну да, это тебе не хрущевская совмещенная «геванная» объемом три на два метра, которая теперь, очень даже вероятно, и вовсе не появится. Интересно, для кого в здании Совмина подобные апартаменты предназначались, для депутатов, что ли? Или им на время очередного съезда

ВКП(б) полагалось в го?стенице останавливаться? Впрочем, ему-то какая на фиг разница? Удобно? Удобно. Да и до САМОГО, ежели захочет срочно пообщаться, совсем недалеко. Круглосуточная охрана в лице неразговорчивых, но наверняка отзывчивых и добрых в душе сержантов госбезопасности у дверей, правда, несколько напрягает. Зато питание трехразовое, можно даже прямо... ну, пусть будет «в номер», заказывать – вон телефонный аппарат на тумбочке и рядом листок с внутренними номерами. А по соседству еще один, без диска. Та самая легендарная «вертушка», ага. Прямая связь с Виссарионом, буде ему придет в голову внезапно позвонить. Ну или наоборот. У Карикова второго телефона, к слову, не имеется – видать, званием не вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вследствие произошедших благодаря вмешательству Виталия Дубинина изменений истории в мире полковника Бата Советский Союз просуществовал почти на два десятилетия больше и распался не в 1991-м, а в 2010 году.

2

Натягивают танкисты гусеницу, матерятся. Тут над ними пролетает фея. «Мальчики, а что это вы делаете?» – спрашивает фея. «Не видишь, что ли, – трахаемся!» – угрюмо отвечают танкисты. «А хотите потрахаться по-

настоящему?» – улыбается фея. «Конечно, хотим!» – радостно галдят танкисты. Фея взмахнула волшебной палочкой, и... у танка отвалилась башня.

3

В этом небольшом городке под Берлином располагался Генеральный штаб Третьего рейха (прим. авторов).

4

Снифтер – коньячный бокал.

5

Имеются в виду ложки, вилки и ножи, а не электронные устройства.

6

При вводе в прорыв немецкая танковая дивизия делилась, как правило, на две боевые группы (Kampfgruppe): так называемую танковую (Panzer-Kampfgruppe) и пехотную (Infanterie-Kampfgruppe). Названия чисто условные, в первой, более маневренной (и малочисленной), явного преобладания танков над пехотой не было. Единственная разница – в общей численности групп (танковая существенно меньше) и средствах передвижения пехоты – в танковую отдавали все имевшиеся бронетранспортеры (а их в начале войны было всего пара десятков штук в каждой дивизии). Одну группу вел сам командир дивизии, вторую – его заместитель.

7

Оперативной разведкой в отношении Красной Армии занимался 12-й отдел Генштаба «Иностранные армии Востока». Эта служба работала параллельно с абвером Канариса и политической разведкой Шелленберга.

8

Аналог русского выражения «важная птица» (значительное лицо).

9

Говоря о «войне 1955 года», Бат имеет в виду события, произошедшие в альтернативном мире (подробнее об этом можно прочитать в книге «Дорога к Вождю»).

10

Виталий Дубинин отправился в свою последнюю экспедицию из альтернативного мира, где после распада Советского Союза образовалась Конфедерация народов России (прим. авторов).

11

В то время термин «гей» не использовался даже в англоязычных странах. Широкое использование сей термин получил в эпоху расцвета толерантности (прим. авторов).

12

Аббревиатура «М-1» производимого на Горьковском автозаводе легкового автомобиля расшифровывалась как «Молотовский-первый», в честь председателя Совнаркома В. М. Молотова.

13

В реальности полковника Бата не было ни ввода советских войск в Демократическую Республику Афганистан, ни чеченских войн 90-х годов. Зато СССР выступил на стороне созданного в конце шестидесятых Союза социалистических африканских республик (ССАР), сражаясь против войск ЮАР, поддерживаемых США и Великобританией. В отличие от нашей истории Советский Союз не маскировался стыдливо под «местных», посылая в Африку только военных советников. Советские войска сражались совершенно открыто, силами полноценных батальонных групп, полностью оснащенных самой современной техникой и укомплектованных исключительно русскими военнослужащими.

14

Библиотека - аналог сети Интернет в том мире, откуда прибыл в прошлое Батонич. Подробнее об этом можно прочитать в книге «Дорога к Вождю».

15

Авторы знают, что И. В. Сталин никогда никого не награждал лично. Но в данном произведении обстоятельства складываются по-другому.

16

Виталий Дубинин нарочно называет не номинальную дату вступления США в войну против Германии, а номинальное начало широкомасштабных боевых действиях на континенте (прим. авторов).

17

«Запад-81» – кодовое название оперативно-стратегических учений армии и флота СССР и стран Варшавского договора, проходивших с 4 по 12 сентября 1981 года на территории Белорусского, Киевского и Прибалтийского военных округов, а также в акватории Балтийского моря. Помимо Советского Союза учения проводились также на территории нескольких дружественных государств. Являются одними из крупнейших оперативно-стратегических учений в истории советских Вооруженных сил. По своим масштабам сопоставимы лишь с крупными операциями времен Великой Отечественной войны.

18

Собственно текст этого так называемого «советского марша» (автор музыки – Джеймс Ханниган) – практически бессмысленный набор русских слов. В припеве есть такая строчка: «Над землей везде будут петь «Столица, водка, советский медведь наш» – полный бред! Создатели игры изначально ориентировались на западных пользователей, поэтому достоверностью себя не утруждали. Но музыка получилась довольно интересной (прим. авторов).

19

С 19 июля 1941 года последним народным комиссаром обороны стал И. В. Сталин; одновременно Ставка Главного Командования РККА была реорганизована в Ставку Верховного Главнокомандования. До сентября С. К. Тимошенко оставался заместителем наркома обороны, одновременно занимая должность командующего войсками Западного фронта.

20

Фраза приписывается маршалу С. М. Буденному.

21

Немецкое название захваченных в качестве трофеев танков «КВ-2». Буква «г» означает «русский».

22

Согласно найденным авторами данным, судьба столь нужной РККА инженерной машины, как мостовый танк «ИТ-28», оказалась весьма печальной. Успешно пройдя государственные испытания в 1940 году, «ИТ-28» был принят на вооружение... и в этом же году его производство было прекращено вместе с танком «Т-28». По разным данным, всего успели произвести от одной до восьми машин; все они были переданы в Киевский ВО. Предполагалось, что на смену «ИТ-28» придет аналогичный мостовый танк на базе танка «КВ», однако разработать его до начала войны так и не успели. На данный момент в мире не

сохранилось ни одного экземпляра этой машины.

23

Николай Александрович Астров – ведущий разработчик советских легких танков предвоенного и военного периода. Руководил созданием танков «Т-38», «Т-40», «Т-60», «Т-70», «Т-80» и многих других, в том числе знаменитой и самой массовой советской самоходки «СУ-76М». После войны участвовал в создании авиадесантных САУ, зенитной самоходной установки «ЗСУ-23-4» «Шилка» и других боевых машин и гусеничных шасси под них. Автор двадцати пяти типов боевых машин.

24

БРМ – боевая разведывательная машина. Как правило, создается на базе линейных БМП или бронетранспортеров.

Купить: https://tellnovel.com/zlotnikov_aleksey/vstrecha-s-vozhdem

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)